

З А Р У Б Е Ж Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

МАУРИЦИО де ДЖОВАННИ

МЕСТО КАЖДОГО

Лето комиссара Ричарди

Беспощадно,
жестоко жарко
на улицах, в темных
комнатах зданий...

Так жарко,
что приходится
убивать,
чтобы
выжить!

Комиссар Ричарди

Маурицио де Джованни

**Место каждого. Лето
комиссара Ричарди**

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

2009

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

де Джованни М.

Место каждого. Лето комиссара Ричарди / М. де Джованни —
ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2009 — (Комиссар Ричарди)

ISBN 978-5-9524-6562-6

Этим жарким летом комиссар полиции Неаполя Луиджи Ричарди, сыщик, который видит призраков людей, умерших насильственной смертью, и слышит их последние мысли, снова получил трудное задание. Ему предстоит расследовать убийство герцогини ди Кампарино, таинственной женщины, известной своей бурной жизнью. В ночь, когда на площади перед особняком семьи ди Кампарино жители квартала шумно отмечали праздник, герцогиню нашли убитой в своей прихожей. Кто-то задушил ее, потом выстрелил ей в голову из пистолета. Кто мог это сделать? Подозреваемых несколько, и улики противоречат одна другой. Комиссар будет блуждать неверными и порой опасными путями в поисках истины, а развязка окажется совершенно неожиданной.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-9524-6562-6

© де Джованни М., 2009
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2009

Содержание

1	6
2	7
3	12
4	15
5	19
6	22
7	27
8	31
9	35
10	41
11	45
12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Маурицио де Джованни
Место каждого
Лето комиссара Ричарди

*Посвящается Тино и Вале,
товарищам на всем пути*

MAURIZIO de GIOVANNI

II POSTO DI OGNUNO

L'estate del commissario Ricciardi

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

1

Ангел смерти прошел среди праздника, но никто этого не заметил.

Он шел вдоль церковной стены. Церковь была еще в нарядном убранстве после утренней праздничной службы, но теперь наступила ночь, и на смену святым обрядам пришли мирские радости. В центре площади по традиции горел костер, однако в этом знойном августе и без него можно было задохнуться от жары, и никому не был нужен огонь. Дрова для костра собирали все местные семьи, и каждая внесла свою долю.

Но ангелу смерти костер помог: огонь отбрасывал тени от пар, которые танцевали под музыку тамбуринов и гитар и хлопки ладоней, среди крика детей и свиста разносчиков. Он не предвидел этого, но знал, что божественная справедливость чем-то поддержит его.

Он заметил одну петарду, потом вторую. Приближалась полночь. Какая-то толстая синьора сделала вид, будто падает в обморок. Мужчина рядом с ней рассмеялся. Ангел смерти слегка задел его, но мужчина даже не вздрогнул: в эту ночь ему не суждено было умереть.

Идя вдоль края площади в черном костюме без особых примет, ангел смерти мог бы обратить на себя чье-то внимание только своим печальным видом – глаза опущены, плечи немного ссутулены. Но в лихорадочном веселье праздничной ночи никто не заметил эту печаль. Ангел смерти учел даже это.

Он подошел к главным воротам особняка. На мгновение ему стало страшно: вдруг ворота заперты по случаю праздника? Но между створками была узкая щель: ворота, как всегда, открыты! И ангел смерти, словно тень, проскользнул внутрь. На площади играли бешеную тарантеллу, толпа сопровождала музыку песнями, хлопками в ладоши и взрывами петард. Он знал, где спрятаться: зашел за колонну, в труднодоступный угол. И приготовился ждать.

Ладонь скользнула в карман и почувствовала холод металла, но это не принесло утешения ангелу смерти. Даже заметив во дворе одинокую тень, он не почувствовал утешения.

Он лишь думал о том, что совершает справедливое возмездие.

2

Комиссар Луиджи-Альфредо Ричарди был не против того, чтобы работать по воскресеньям. Это была еще одна его странность. Его сослуживцы во время составления графика дежурств находили множество предлогов: уход за больной матерью, пожилой возраст, жуткое количество дел в доме. Любая причина была хороша, чтобы избавиться от работы в день, когда весь город будет отмечать праздник.

Ричарди же, как обычно, промолчал, и ему, как обычно, досталось самое худшее время. Но этим он не заслужил благосклонность остальных – они не упустили очередной случай посул-дачить о комиссаре за его спиной.

Ричарди всегда был один, руки постоянно держал в карманах, всегда ходил с непокрытой головой, даже зимой. Он не участвовал в праздниках и вечеринках, никогда не был ни на одной встрече. Он не приходил в гости, если его приглашали, не заводил себе друзей и ни с кем не разговаривал откровенно. У него были зеленые глаза, которые выделялись на смуглом лице, а на лоб падала прядь волос, которую он поправлял резким движением руки. Разговаривал он очень мало, и в его словах была холодная ирония, которую улавливали не все. Но, несмотря на это, одним своим присутствием Ричарди привлекал внимание окружающих.

Работал он без передышки, особенно в тех случаях, когда расследовал убийство. Сослуживцы не любили его за то, что не могли выдержать бешеный темп, в котором Ричарди вел расследования. Полицейские, которых направляли работать под его началом, тайком проклинали его за часы, которые им приходилось провести под дождем или солнцем во время долгих и порой бесполезных засад, и ядовито шутили, что, кого бы ни убили, аристократа или оборванца, всегда кажется, что убит родственник комиссара.

Но Ричарди, бесспорно, был талантливым сыщиком. Он не соблюдал принятые процедуры и не следовал предписаниям начальства. Он шел своими непонятными путями и всегда доходил до виновника преступления. Кто-то пустил слух, что комиссар Ричарди разговаривает с самим дьяволом и тот пересказывает ему мысли убийц. Эта сплетня делала еще плотней пустоту вокруг него, потому что в душе города прочно укоренилось суеверие. О личной жизни комиссара никто ничего не знал, а может быть, о ней нечего было знать. Он жил один со своей старой няней; было неизвестно, есть ли у него родные или друзья. Рядом с ним никогда не было ни одной женщины и даже ни одного мужчины. Никто не видел его в публичном доме или в театре. Ричарди вообще ни разу не провел вечер вне дома. Это вызывало недоверие: люди всегда не доверяют человеку без недостатков, считая, что у того, кто не имеет пороков, не может быть и добродетелей.

Даже руководители Ричарди, и в первую очередь Анджело Гарцо, заместитель начальника управления, не скрывали, что им неуютно в присутствии этого человека, который при своих огромных способностях и компетентности совершенно лишен честолюбия. Говорили, что комиссар очень богат, что он владеет огромным имением в какой-то дальней провинции и оттого ему не нужен более высокий оклад. Казалось, его ничто не интересовало, кроме расследований.

Но он не проявлял никаких признаков удовлетворения, когда задерживал виновного. Он только пристально смотрел на преступника своими вызывающими беспокойство прозрачными глазами, а потом поворачивался к задержанному спиной и шел дальше – к новому преступлению, к новой крови.

Ричарди приезжал в управление рано даже в воскресный день. В воскресенье на долгом пути от улицы Святой Терезы до улицы Толедо он встречал меньше людей, и это ему нравилось. Город медленно просыпался, несколько тележек с фруктами или молоком катились по

улице, расшатывая камни мостовой; от фонтанов, которые таились в глубине бедных кварталов, долетали первые песни прачек. Дождя не было больше двух месяцев – ни капли, и в этом ужасном августе было приятно чувствовать в пути остаток ночной прохлады.

В полумраке, который создавали закрытые ставни, сидя за письменным столом, комиссар мысленно составлял себе план работы на сегодня. Автоматические движения, бюрократическая работа – заполнять бланки протоколов. Список посетителей – сегодня их будет очень мало. На площади под окном еще не было ни одного человека. Какой-то пьяница пел хриплым голосом. «Вот еще один человек, который дежурит по воскресеньям», – подумал комиссар.

Дверь была полуоткрыта, чтобы немного проветрить кабинет. Лучи света падали на стену под официальными портретами маленького короля и великого главы правительства. Чайка начала вторить криками песне пьяницы, и Ричарди решил, что у нее голос, несомненно, лучше. Он лениво смотрел в дверную щель, на тот участок коридора возле лестницы, который мог видеть.

Даже в полумраке он четко различал очертания двух трупов – две стоящие фигуры, одна рядом с другой. При жизни они встретились всего один раз – и сразу после встречи смерть соединила их навеки. «Памятник полицейскому и вору», – подумал Ричарди. Но это был невидимый памятник – точнее, невидимый почти для всех.

До них было несколько метров расстояния, но комиссар со своего стула видел широкую дыру с обгоревшими краями в голове вора, сбоку, и маленькое входное отверстие от пули на виске полицейского, видел струю крови и мозгового вещества, которая стекала на шею, и слышал, как оба призрака тихо бормочут свои последние мысли. «У вас нет перерыва! – с ненавистью подумал он. – Вы стоите здесь каждый проклятый день и отравляете воздух бесполезной болью ваших молодых напрасно погубленных жизней». Он отвел взгляд в сторону и встал со стула. Жара усиливалась с каждой минутой, на улице стал слышен гул моторов: несколько автомобилей катили к морю. Комиссар подошел к календарю, сорвал листок предыдущего дня и прочел новую дату: 23 августа 1931 года. Девятый год новой эры – эпохи бантиков в волосах и ботфортов, фотографий размером в целую страницу, на которых изображен человек без пиджака и с плугом. Эпоха энтузиазма и оптимизма. Эпоха порядка и чистых городов, как объявлено в указе.

Может быть, одного указа было достаточно, подумал Ричарди. Но в первый день первого года мир продолжал вращаться точно так же, как до этого. Те же преступления, те же извращенные страсти. И та же кровь.

Он взглянул в коридор, прислушался к голосам, вполголоса бормотавшим мысли мертвецов. Потом подошел к двери и закрыл ее. Как будто достаточно закрыть дверь, чтобы вытеснить чувство из души. Как будто он слышал слова мертвых ушами, а не сердцем. Перед тем как выбросить оторванный листок календаря в корзину, комиссар еще раз взглянул на дату. Девятый год. А все-таки их прошло двадцать пять. Сегодня исполнилось ровно двадцать пять лет с его первого знойного августа.

Баронесса Марта Ричарди ди Маломонте была маленькой, изящной и молчаливой женщиной. В том уголке провинции Чиленто, над которым возвышался старинный замок баронов Ричарди, все любили ее, но издали: что-то странное и чужое для них было в печальном взгляде ее прекрасных зеленых глаз. Что-то, от чего им было неуютно.

Судьба была не слишком добра к баронессе. Она почти ребенком вышла замуж за барона, который был гораздо старше. Муж ее умер, когда их маленькому сыну Луиджи-Альфредо было всего три года. Вдова не желала возвращаться в город и активно участвовала в жизни деревни: помогала самым бедным семьям и учила читать и писать самых маленьких деревенских детей, потому что они составляли компанию ее сыну, очень на нее похожему. Но разница в общественном положении не слишком способствует дружбе, поэтому Луиджи-Альфредо пред-

почитал проводить время со своей няней Розой, которая жила с их семьей с тех пор, как сама была ребенком, или с почтальоном Марио – юношей, который был без ума от романов Салгари и рассказывал мальчику о тиграх и воинах. Ребенок, слушая его, уносился мыслями в мир мечты, а потом воспроизводил эти рассказы, играя в саду замка. Окруженный воображаемыми друзьями и врагами, он сражался с одиночеством с помощью своего воображения, размахивая деревянным мечом, который Марио сделал ему из двух сложенных крест-накрест обломков доски.

Мир Луиджи-Альфредо состоял в равных долях из реальности и вымысла, и мальчик питал вымысел реальностью, выбирая из действительной жизни то, что сильнее всего очаровывало его, и превращая эти частицы реальности в новые приключения. Эти приключения он проживал в долгие одинокие послеполуденные часы. Мать и слуги привыкли слышать, как мальчик что-то бормочет в саду, ведя в бой невидимые войска или отрубая головы морским чудищам одним ударом меча. По вечерам Розе приходилось, ворча, лечить ободранные колени питомца и зашивать дыры на его фуфайках. Потом она сжимала мальчика в своих неуклюжих утешающих объятиях.

Но однажды он вернулся, громко крича, и со слезами рассказал матери и Розе, что видел мертвого человека, который с ним говорил. Няня успокоила мальчика, а вечером с суровым видом спросила у служанок, которая из них имела глупость рассказать ребенку про поденщика, который этой зимой был зарезан ножом из-за ревности. Те в ответ стали клясться, что никогда не говорили при маленьком синьоре об «этом случае». Луиджи-Альфредо, как обычно, тайком подслушал их разговор, спрятавшись под подоконником. После этого он мысленно называл словом «случай» свое второе зрение – способность чувствовать боль, сохранившуюся в воздухе после насильственной смерти, и видеть источник этой боли.

Мальчик уже почти не помнил об этой встрече в то августовское утро, когда его мать велела ему одеться, потому что они пойдут вместе на прогулку. Ему было тогда шесть лет, и самым большим удовольствием в жизни для него было проводить время вместе с матерью, хотя она не рассказывала ему красивые истории, как Марио, и не утешала, сжимая в объятиях, как Роза. Мать смотрела на него большими зелеными глазами, улыбалась ему нежно и грустно и гладила по лбу, поправляя непослушную прядь волос. Ему этого было достаточно. Но в этот день на ее лице было необычное выражение: оно было каким-то далеким, отстраненным и при этом напряженным. Луиджи-Альфредо подумал, что матери нездоровится: может быть, у нее, как это часто случалось, болела голова.

Они шли по дороге, которая вела за пределы их края. Даже теперь, через столько лет, Ричарди помнил удушливую жару, запах навоза и ароматы полей. Он и мать уходили все дальше, оставляя за спиной последние дома. Он спросил, куда они идут, но она ничего не ответила, только сжала его руку в своей ладони. Мальчик потел очень мало, но жара отнимала у него все силы, и ему хотелось пить. Когда же, наконец, можно будет остановиться? Ему не терпелось это сделать, но мать продолжала идти. Примерно через час они подошли к дому, который казался брошенным. Деревянная калитка была распахнута. Дорожка, которая когда-то вела к дому, заросла травами. С ветки большого дерева, стоявшего в центре двора, свисала веревка с привязанной к ней доской. Это были старые сломанные качели.

Мать остановилась в нескольких метрах от дерева, нахмурила брови и стала неуверенно оглядываться. Широкие поля ее белой шляпы скрывали взгляд, но Луиджи-Альфредо чувствовал в нем беспокойство. А потом он заметил стоявшую за стволом дерева девочку примерно одного с ним роста.

Он подумал, что сначала не разглядел ее потому, что ее скрывала тень, улыбнулся девочке, подошел к ней и спросил:

– Хочешь поиграть?

Мать вздрогнула и поднесла ладонь ко рту. Девочка была бледная, ее волосы были испачканы землей и свободно падали на платье из грубого сукна. В своих воспоминаниях Ричарди снова увидел эту девочку так же ясно, как сейчас видел портрет Муссолини на стене. Передняя сторона куртки была по цвету другой, чем остальная часть, и казалась черной. Луиджи-Альфредо подошел еще ближе и всмотрелся лучше. Живот девочки был разорван: в нее стреляли в упор крупной дробью. Из обожженного растерзанного тела выглядывали белые ребра. Глядя на мальчика невидящими глазами, словно в пустоту, девочка сказала:

– *Мама, бегите, они сломали калитку, бегите!*

Луиджи-Альфредо растерялся, отступил на шаг назад, повернулся к матери, показал ей на девочку и воскликнул:

– Мама, помогите ей! Вы разве не слышите?

Марта не сдвинулась с места – продолжала стоять как каменная статуя, глядя в сторону дерева. Ричарди понял: мать не видит девочку, хотя и слышит что-то. Он решил, что сам пойдет и позовет мать девочки, и повернулся в сторону дома. Пройдя несколько метров, он увидел мальчика. Тот сидел возле большого камня и, казалось, спал. Но когда Ричарди подошел ближе, чтобы его разбудить, из открытого рта мальчика вылетели звуки, похожие на журчание воды. Ричарди подошел еще ближе и услышал слова:

– *Папа, папа, разбойники! Пришли разбойники, уходите!*

Из раны на горле мальчика широкой струей текла черная жидкость. Она бурлила и все не останавливалась. Луиджи-Альфредо стал всхлипывать, не осознавая, что плачет. Его душу заливал поток огромной ноющей боли. Она текла волнами, как кровь мальчика, и с каждой новой волной Ричарди чувствовал себя все более грязным и полным отчаяния. Издалека он протянул руку в сторону матери, которая по-прежнему стояла возле дерева со сломанными качелями и держала ладонь у рта, а потом сделала несколько шагов в сторону дома. В дверях на пороге стояла на коленях женщина, которую почти не было видно оттого, что внутри было темно. Она протягивала руку в сторону двора и говорила:

– *Люция, Казтано, бегите!*

Тело женщины, от горла до живота, было искромсано ударами ножа. Одежда превратилась в лохмотья, и сквозь дыры были видны десятки ран. Между ее ног натекла большая лужа крови, которая становилась еще больше. За спиной женщины маленький Ричарди увидел мужчину, тоже стоявшего на коленях. У мужчины осталась только одна половина лица: другую уничтожил выстрел с близкого расстояния. Уцелевшая половина была воплощением ужаса. Из широко раскрытого глаза текли слезы, а искаженный гримасой рот непрерывно бормотал:

– *Беда, беда! Хватайте вещи, девочку, мальчишку! Беда!*

Луиджи-Альфредо почувствовал чью-то руку на своем плече. Он завопил от страха, но это подошла мать. Она вывела его наружу. Он взглянул на нее и увидел, что она тоже плачет.

– Что ты видел? Сколько их было, сколько?

В ответ он показал матери четыре поднятых пальца на руке. То, что мать сказала потом, Ричарди запомнил навсегда.

– Значит, всех. Ты видел их всех. Ты проклят, мой бедный малыш. Проклят.

Этот же невыносимый зной Ричарди чувствовал через двадцать пять лет в своем кабинете в управлении полиции. «Я полицейский, – думал он. – А что еще я должен был делать? Скованный болью, заблудившийся среди чужих извращенных страстей, чем еще я мог бы заниматься? Может быть, во всем этом есть лишь один смысл – излечивать страдания, хотя бы и с опозданием».

Он старательно держался как можно дальше от сильных чувств. Он не допускал страсти в свою жизнь, потому что знал, как много может уничтожить и изуродовать любовь. Могилы на кладбищах полны любви, думал он, поэтому лучше быть одному и смотреть на любовь изда-

лека. Однако несколько месяцев назад расстояние сократилось. Это произошло непредвиденным образом и вызывало у комиссара тревогу.

Ричарди открыл ставни и впустил в кабинет солнце. Первый луч нового дня осветил стопу документов на письменном столе. Ричарди вздохнул и начал их заполнять. Лучше работать. Да будет благословенно воскресное дежурство.

3

Будь оно проклято, это воскресное дежурство! – думал бригадир Рафаэле Майоне, когда, пыхтя, шел по площади Конкордия в управление. Жара уже адская, а еще только восемь часов. Будь проклято это лето!

Бригадир был в ярости. Он не должен был бы злиться, но считал, что имеет на это полное право: на самом деле он злился из-за дежурства потому, что эти дни были для него самым счастливым временем за три года – с тех пор, как погиб его сын Лука, которого заколол ножом бандит. Эта ужасная смерть не только разорвала бригадиру сердце, но и отдалила от него и остальных детей, и его жену, которая замкнулась в своем немом безутешном горе.

Так было, пока не произошло чудо. Оно случилось этой весной, как раз в то время, когда Майоне уже потерял надежду снова увидеть чарующую улыбку своей жены. Супруги встретились и опять соединились так же, как много лет назад, и бригадиру в его пятьдесят лет выпал еще один неожиданный случай быть счастливым. В доме семьи Майоне снова зазвенел смех детей и их матери, снова в семье стали подшучивать над отцом, а он добродушно терпел насмешки. Снова по воскресеньям запах легендарного рагу Люции Майоне заставлял расцветать желудки и сердца навстречу радости. Почему же тогда бригадир в воскресенье, пыхтя, шел на дежурство? И главное, по какой причине он сам вызвался работать в воскресенье, поменявшись дежурствами с сослуживцем, который не поверил своим ушам, услышав от Майоне такое предложение?

Дело было так: неделю назад Рафаэле вышел из дому прогуляться. Он вел под руку свою красавицу-жену, а сзади шагали пять их детей. В нескольких метрах от их ворот располагался магазин фруктов, хозяин которого, Чируццо Ди Стазио, когда-то школьный товарищ бригадира, был официальным поставщиком фруктов для семьи Майоне с тех пор, как она возникла. Чируццо вышел им навстречу, снял шляпу и приветствовал жену Майоне галантным комплиментом:

– Донна Люция, вы очаровательны! У вас золотые волосы и глаза цвета моря. В ближайшие дни я напишу для вас песню: вы ведь знаете, что мне нравится петь. Но что вы делаете рядом с этим медведем? – и шутливо, дружески щелкнул пальцами по куртке полицейской формы бригадира там, где ее туго натягивал большой живот.

Люция засмеялась и поблагодарила Чируццо. А бригадиру было плохо: ревность уколола его в самое сердце, но он не хотел показать, что ему больно. Потом ему пришлось проглотить горькую обиду: Люция сказала, что Чируццо следит за собой и в пятьдесят лет остается худым как щепка. Майоне, который весил сто двадцать килограммов, почувствовал себя еще хуже. На самом же деле Люция сказала это потому, что беспокоилась о здоровье мужа: его отец тоже был полным и умер молодым от инфаркта.

С этой минуты каждый раз, когда Майоне что-нибудь ел, он вспоминал Чируццо и Люцию, и от этого у него портилось настроение. Поэтому он решил срочно похудеть: пусть этот мужлан, продавец фруктов, который взялся ухаживать за его женой, увидит, кто муж самой красивой женщины Испанских кварталов. И вот сегодня он, бормоча ругательства себе под нос, шел в воскресенье на работу. Даже под пыткой он не признался бы, что ушел из дома, чтобы не есть чудесное рагу Люции.

Ставни были полузакрыты, чтобы не впустить в дом палящее солнце, которое уже свирепствовало снаружи. Через щель между ними Люция смотрела, как ее муж уходит на работу.

Уходит в воскресенье! Именно сейчас, когда она закончила готовить лучшее в городе рагу из девяти разных видов мяса! Она обжарила их в топленном свином жире, а потом целый день варила с помидорами, луком и вином. Это невозможно: она хорошо знала своего мужа. Для такого могла быть только одна причина: у Рафаэле на уме другая женщина.

Она помешала деревянной ложкой рагу в глиняном горшке и вспомнила, как мать говорила ей, что вкус кушанья меняется от настроения той, кто его готовит, и, чтобы готовить, женщина должна быть счастлива. Это рагу будет горьким как желчь, подумала Лючия.

Острая боль – укол ревности – пронзила ей грудь. Она не позволит судьбе отнять у нее еще одного дорогого ей человека. Лючия прикусила губу и отошла от окна.

Энрика Коломбо любила в воскресенье просыпаться рано, чтобы приготовить все нужное для завтрака, пока остальные члены семьи еще не жили в постели, пользуясь праздничным днем. Она по своей природе любила во всем аккуратность и систему, поэтому ей был необходим порядок, а чтобы создать порядок, требовалось время. Сейчас она раскладывала на столе продукты для рагу и спрашивала себя, что бы подумали родители и братья, если бы она вдруг запела.

Пела бы она, конечно, не оттого, что начинался праздничный день: жара была ужасная уже в этот ранний утренний час. И не из-за прогулки по Национальному парку, где отец по традиции купит орешков для младших членов семьи. Причина была другая.

В свои двадцать четыре года Энрика еще ни разу не была помолвлена. Ее нельзя было назвать красавицей, но и безобразной она не была: ее отличали очень женственное изящество и миловидность. Она была, может быть, чуть выше ростом, чем надо, и держала себя так, что незнакомому человеку не слишком хотелось признаваться ей в своих чувствах. Энрика умела взглядом из-за очков в черепаховой оправе останавливать тех, кто неосторожно пытался перейти границу, которую она установила между собой и посторонними. Ее поведение очень беспокоило родителей, которые боялись, что их старшая дочь останется старой девой. И действительно, младшая сестра Энрики уже почти два года была замужем, а она, казалось, не хотела даже знакомиться с мужчинами. У Энрики были поклонники, но девушка отталкивала их, вежливо, но твердо отказываясь от приглашений в гости.

На самом деле Энрика не была равнодушна ко всему этому. Просто она ждала. Энрика ждала, чтобы тот, кого она начинала любить в долгие ветреные вечера прошедшей зимы и потом в нежные, пропитанные ароматом цветов весенние ночи, каким-то образом дал о себе знать.

Прошел целый год, прежде чем ей представился случай поговорить с ним. Обстоятельства встречи, конечно, были совсем не такие, о которых она мечтала. Герой ее мечты оказался комиссаром полиции. Энрика узнала об этом, когда ее допрашивали как свидетельницу по поводу убийства гадалки, к которой она ходила два раза. Встреча прошла не очень дружелюбно: комиссар словно онемел, а она была в бешенстве оттого, что оказалась перед ним не подготовившись. Но по крайней мере лед в их отношениях был сломан, и теперь по вечерам, сидя перед окном кухни и вышивая, Энрика слегка кивала ему, а он в ответ нерешительно приветствовал ее движением руки. Кому-то могло бы показаться, что этого мало, но для Энрики было очень много.

Теперь надо было ждать, пока комиссар Луиджи-Альфредо Ричарди, так его зовут, найдет способ познакомиться с ее отцом и попросит у него разрешения приходить к ней в гости. Может быть, на это понадобится время, но это обязательно случится. Иначе почему он каждый вечер, ровно с девяти часов до половины десятого, стоит у окна и смотрит, как она вышивает? Это лишь вопрос времени.

Энрика Коломбо была по натуре спокойной и решительной. И умела ждать.

Ливия Лукани, вдова Вецци, решила, что ждала достаточно долго. Поэтому она сейчас была в Риме, на вокзале, и дожидалась курьерского поезда, который шел в Неаполь. Она решила, что надолго поедет отдыхать в этот город. Разумеется, место отдыха было выбрано не случайно. И разумеется, выбор Ливии озадачил ее друзей и родных и стал любимой темой для сплетников в высших кругах столичного общества.

Ливия Вецци действительно была заметной фигурой в этом обществе. Она обращала на себя внимание своей внешностью: очень красивая, черноволосая, в движениях – кошачья грация, хрупкая фигура, лицо с правильными чертами украшено ямочкой на подбородке, улыбка – ослепительная. К тому же она была женой самого знаменитого итальянского тенора – Арнальдо Вецци, абсолютного гения, который десять лет подряд занимал первое место в светской хронике. Ливия и сама была раньше оперной певицей, у нее было прекрасное контральто, но замужество прервало ее отлично начинавшуюся артистическую карьеру. Ее муж имел много любовниц и в конце концов был убит четыре месяца назад в своей примерной в неаполитанском театре Сан-Карло. У Ливии тоже были короткие романы, от которых ничего не оставалось в сердце, только ее одиночество становилось сильнее. А когда была последний раз счастлива с мужем, она не могла даже вспомнить.

Когда Ливия овдовела, у нее появилось много поклонников. Кроме красоты их привлекало ее богатство и высокое положение в обществе: мало было женщин, у которых в числе подруг была дочь самого дуче, а с Ливией она дружила и никогда не забывала пригласить вдову знаменитого певца на свой прием. Однако Ливия, видимо, не была расположена к новой любви. Она была спокойна и весела, но держала всех на расстоянии. И говорила, что у нее на уме другое.

В зале ожидания двое мужчин попытались завязать с ней разговор. Останавливая их попытки подчеркнутым равнодушием, Ливия призналась себе, что ее слова были правдой. У нее на уме действительно было другое. И это «другое» – воспоминание о необыкновенных зеленых глазах, которые взглянули на нее в совершенно неподходящий момент – во время следствия по делу о смерти ее мужа.

На эти глаза не подействовало ее очарование, а она не привыкла к такому бесчувствию. И все же то, что заставило ее взять билет на поезд и снова отправиться в город ослепительного света и глубоких теней, не было простым капризом. Своим подругам, которым хотелось узнать, не кроется ли любовная история за этим, мрачным на первый взгляд, желанием отдохнуть именно там, где был убит муж, Ливия говорила, что возвращается туда для того, чтобы навсегда изгнать из своей души его призрак. На самом же деле она хотела понять, что означает беспокойство, которое она чувствовала во сне. А чтобы это понять, ей нужно было снова увидеть эти глаза.

Глядя на подъезжавший к вокзалу курьерский поезд и одаривая улыбкой тех двоих в ответ на предложение донести до вагона ее чемоданы, Ливия подумала: для того, чтобы что-то понять о себе самой, она ждала достаточно долго. Даже слишком долго.

4

Дверь кабинета Ричарди открылась, и перед ним возникла потная физиономия бригадира Майоне.

– Добрый день, комиссар, и хорошего воскресенья. Вы, значит, тоже в числе счастливицов, которые должны работать?

На лице Ричарди мелькнула улыбка.

– Здравствуй, Майоне. Входи, входи. Каким тебе кажется сегодняшний день?

Майоне вошел, вытирая лоб носовым платком, и рухнул на стул.

– Таким же, как вчера, комиссар, – жарким, очень жарким. Утро только начинается, а уже невозможно дышать. Лично я всю ночь ворочался в кровати, как котлета. Один раз мне даже пришлось выйти на балкон и посидеть на стуле, чтобы хоть немного подышать. Куда там! Не помогло и это. Как я не спал до этого, так и не уснул. Вы поверите, комиссар, в то, что я сейчас скажу? Я не мог дожидаться утра, чтобы встать и прийти на работу.

Ричарди покачал головой:

– Не понимаю, что тебя заставило прийти сюда в воскресенье. У тебя чудесная семья, а сегодня твоя жена, может быть, даже приготовила свое рагу. Почему тебе не сиделось дома с детьми?

Лицо Майоне сморщилось.

– Не надо говорить про вкус еды. Я решил, что должен сбросить вес: куртка летней формы уже не застегивается. Видите, мне пришлось надеть зимнюю куртку, и я вот-вот потеряю сознание от жары. Если хотите знать, я взял на себя воскресное дежурство именно потому, что Лючия приготовила свое рагу. Иначе я бы не удержался и съел его три тарелки. Нет уж, лучше быть здесь. День, наверное, будет спокойным, вам так не кажется? Кто в такую жару станет делать что-то плохое?

Ричарди встал из-за письменного стола и выглянул в окно. Руки он держал в карманах.

– Не знаю. Этого никогда нельзя знать наверняка. Видишь ли, люди – странные существа: их страсти набирают силу в самое неожиданное время. Жара сводит людей с ума и лишает способности терпеть. То, что человек вынес бы зимой или весной, раздражает его летом. Поверь мне, самые нелепые случаи происходят как раз в это время года.

Майоне с нежностью смотрел на спину Ричарди. Бригадир был единственным человеком во всем управлении полиции – и подозревал, что он единственный во всем городе, – который любил комиссара. Ему нравилось, что Ричарди ощущал боль жертв и их близких, как свою собственную, и то, как комиссар умел если не оправдать некоторые преступления, то понять их причины и почувствовать мучения того, кто в них виновен.

Иногда его беспокоило одиночество Ричарди и его страдания: Майоне чувствовал, что на заднем плане жизни комиссара все время присутствует боль. Бригадир даже сказал об этом Лючии. Она загадочно улыбнулась и ответила:

«Каждому овощу – свое время». Кто знает, что она имела в виду.

Майоне подумал, что Ричарди можно назвать кем угодно, только не оптимистом.

– Что я должен сказать на это, комиссар? Будем надеяться, что сегодня никто не рассердится. Что вместо того, чтобы убивать или драться, эти люди отправятся в Мерджеллину искупаться в море и съесть большое блюдо макарон, будь прокляты те, кто может это сделать, а потом уснуть на солнце. И что они оставят в покое нас, четырех бедолаг, которые, как четыре кошки из детской задачи в стихах, должны шить здесь семь рубашек.

Он еще не успел договорить последнюю фразу, как послышался стук в приоткрытую дверь и в щель просунул свой орлиный нос Ардизио – полицейский, который дежурил у телефона.

– Комиссар, бригадир, здравствуйте! Поступил вызов с площади Санта-Мария ла Нова. Там нашли труп.

Майоне встал со стула. Вид у него был недовольный.

– Подумать только! А я-то собирался посидеть спокойно. Вот уж точно, комиссар: если с человеком может случиться несчастье, он его на себя накличет.

Ричарди уже надел куртку.

– Не оstri! И постараемся не быть суеверными хотя бы в этом здании. Ардизио, пошли кого-нибудь за фотографом и за судмедэкспертом. Выясни, у себя ли доктор Модо, дай ему адрес и скажи, чтобы он шел сюда. А ты, Майоне, вызови двух наших рядовых. Кто из них сегодня дежурит?

Солнце было уже высоко и никому не давало пощады. Та часть площади Муничипио, которую не укрывали своей тенью каменные дубы, была безлюдна; только несколько автомобилей быстро проехали по ней. Малочисленные пешеходы старались укрыться в тени зданий – например, возле театра Меркаданте или отеля «Лондон», хотя от этого путь становился длиннее на двести метров. Из порта тоже не долетали никакие звуки, кроме тихого плеска морских волн.

Сотрудники мобильной бригады полиции, как правило, передвигались пешком из-за хронического отсутствия моторизованных средств. Впрочем, идти было недалеко, и, судя по тому, что слышал по телефону Ардизио, то, что должно было случиться, уже случилось, и останавливать уже было нечего. Ричарди хорошо знал, как мало у них надежды сохранить место преступления нетронутым, если они не были уже рядом, когда оно произошло. В городе, где каждый подглядывает за другим, никто не признается, что видел преступника, зато каждый пытается помочь полиции, передвигая предметы, собирая улики, поворачивая трупы. Лучше прийти спокойно и в большом количестве, чтобы собрать как можно больше информации согласно особой процедуре комиссара Ричарди.

До площади Санта-Мария ла Нова надо было идти по улице Эмануэля-Филиберта Савойского, которую народ, не читавший новое название на мраморных табличках, продолжал называть улицей Медина – именем, которое она носила многие века. Вдоль той стороны улицы, которая была в тени, стояли благородные старинные особняки, а сзади них разматывался клубок переулков, которые кончались у моря. Жители этих переулочков, где было темно даже в середине дня, не числились в списках налогоплательщиков, не умели ни читать, ни писать и жили как мыши по правилам, о которых закон ничего не знал.

Пока отряд полиции – впереди Ричарди, а за ним пыхтящий Майоне и два рядовых полицейских, Камарда и Чезарано, – продвигался вперед, в узких проулках между особняками мелькали тени: кто-то прятался, чтобы скрыть свои торговые дела.

Другая, залитая солнцем, сторона улицы была пуста. Вернее, почти пуста: перед одним из подъездов стоял призрак мертвого человека, и Ричарди его увидел. Комиссар вспомнил, что два месяца назад на этом месте утром был обнаружен труп мужчины, забитого насмерть. Его били кулаками, ногами и каким-то тупым предметом, возможно палкой. Убийца или убийцы – вероятно, их было несколько – делали свое дело долго и жестоко. Невероятно, но даже теперь, когда прошло так много времени, семья убитого не подала заявление в полицию и утверждала, что он упал и разбился насмерть. Как будто стоящий на земле человек мог при падении удаться так, чтобы лоб раскололся пополам, словно арбуз! Но, как сказал заместитель начальника управления, отвечающий за архивы, если два родственника, то есть родной и двоюродный братья умершего, пришли в полицию и засвидетельствовали, что он разбился при падении, то больше нечего выяснять. Это дело расследовал пожилой коллега Ричарди, Чиммино, который был очень рад следовать указаниям доктора Гарцо, то ли для того, чтобы ему угодить, то ли потому, что умерший был безработным и, по слухам, активным противником существующего режима.

Теперь, торопливо идя по улице, Ричарди видел этого призрака. Фасады особняков казались дрожащими в мареве горячего воздуха, но призрак не дрожал и был ярким. Лицо распухло от синяков, кровь из раны на лбу заливает глаза, зубы разбиты. Рот – черная щель посередине лица, и из этой щели снова и снова, повторяясь без конца, вылетали удивительно ясные слова:

– *Шуты, паяцы! Вы всего лишь четыре шута! Четыре на одного – позор, позор! Шуты, паяцы!*

Полицейские прибыли на место как раз в тот момент, когда в церкви зазвонил колокол, созывая верующих на мессу к девяти часам. На маленькой площади еще были видны следы вчерашнего вечернего праздника – куча обгоревших дров посередине и обрывки бумаги почти везде. Ричарди вопросительно взглянул на Майоне, и тот объяснил:

– Праздник в честь Девы Марии Царицы Небесной, комиссар. Это традиция: сейчас месяц праздников. Посмотрите, сколько бумаги! Как эти негодяи объедались сегодня ночью!

Точно напротив церкви были видны ворота старинного особняка. Было ясно, что преступление произошло в нем: у ворот, как обычно в таких случаях, толпилась кучка людей, которые перешептывались, ожидая новостей. Колокол продолжал звонить, но никто не шел в церковь. В конце концов, месса бывает каждое воскресенье, а убийства случаются реже – может быть, реже.

Когда на площади появились полицейские, толпа вздрогнула от беспокойства и любопытства. Каждый хотел увидеть, что произошло, и у каждого было что скрывать. Майоне вышел вперед и стал руками раздвигать толпу.

Ворота были полузакрыты. На пороге стоял, в качестве заслона от любопытных взглядов, маленький человечек в ливрее. Увидев Майоне, он с облегчением обратился к нему:

– Наконец-то! Пожалуйста, проходите, это здесь произошло несчастье.

Голос у него был пронзительный, почти женский. Какой-то мальчик в толпе передразнил его, и несколько человек засмеялись. Но было похоже, что привратник этого не заметил. Он был взволнован и сильно потел под своей шляпой, которая была ему велика и спускалась до основания его большого носа.

– Кто вы? – спросил его Майоне.

Коротышка вытянулся по стойке смирно и по-военному отдал честь. В других обстоятельствах это было бы смешно.

– Шарра Джузеппе, к вашим услугам, привратник этого дома на службе у герцогов Муссо ди Кампарино! – представился маленький человечек.

Эффект от торжественного стиля этой фразы был испорчен смешным голоском. Безымянный завистник из толпы снова не упустил случая передразнить привратника. Он опять вызвал этим смех, и на этот раз смеявшихся было больше. Майоне повернулся к толпе, сделал суровое лицо и сказал:

– Вы тут развлекаетесь, да? Тогда посмотрим, кто хочет пойти повеселить нас в управление! Камарда, запиши имена и фамилии этих людей: мне тоже охота посмеяться. А я смеюсь, когда вижу, как другие плачут.

Наступила тревожная тишина; кто-то отошел на несколько метров. Ричарди повернулся к привратнику и сказал:

– Я комиссар Ричарди. Дайте нам пройти.

Шарра снял шляпу. Стало видно, что волосы у него редкие, а нос, занимавший все его лицо, каким-то образом стал еще заметней.

– Прошу вас, проходите, комиссар! Во дворе вы увидите мою жену, которая здесь служит, и экономку. Они проведут вас туда, где... где это случилось. Я останусь здесь и не буду никого впускать.

Однако Ричарди хотел, чтобы все, кто может предоставить ему информацию, находились рядом с ним.

– Лучше вы сами проводите нас. Не беспокойтесь: я поставлю у ворот своих подчиненных.

Маленький человечек поморщился: ему не хотелось снова идти туда, где его ждало ужасное, должно быть, зрелище.

– Как прикажете, комиссар. Прошу вас, проходите.

5

«Вода. В эту зверскую жару растениям нужно так много воды. Весь труд за целый год, все заботы и обязательства могут пропасть зря, если я не дам растениям много воды в эти жгучие дни. Солнце, которое так необходимо в другое время года, сейчас становится худшим врагом: оно высасывает силы из листьев так же, как из мышц человека.

И вы, мои маленькие нежные друзья, не можете попросить о помощи. Без меня вы бы умерли – обгоревшие, иссохшие. И протягивали бы ветки к небу, умоляя его облегчить ваши муки хотя бы каплей дождя. Сегодня уже шестьдесят шесть дней, как нет дождя. Уже шестьдесят шесть дней ваша жизнь в моих руках – листок за листком, бутон за бутоном.

Я должен давать вам воду и даю ее вам утром, до того, как лучи солнца начнут скользить по террасе, разыскивая влагу, чтобы ее высушить. Мне было бы приятнее спать или лежать в кровати с открытыми глазами и думать. Но я вас люблю, мои молчаливые ласковые друзья, а все знают, что любить – значит жертвовать собой для любимого. Поэтому я встаю, беру ведро и много раз подряд хожу к фонтану, чтобы подарить вам еще один день жизни. Вы не можете двигаться, ваше место на этой террасе. Я, способный передвигаться, беру жизнь и дарю ее вам.

Приятно видеть, как вы благодарите меня новыми запахами и новыми цветами. И вы тоже дарите жизнь другим: сколько вокруг вас насекомых, как празднично они жужжат и гудят в воздухе. Это чудо: жизнь умножается и делится на тысячи частиц. Каждый в ней находится на своем месте, у каждого своя роль.

Это чудесно – дарить жизнь. Чувствуешь себя богом. И когда отнимаешь жизнь, тоже чувствуешь себя богом».

Приказав Камарде и Чезарано не впускать никого в ворота и не выпускать из них никого, Ричарди и Майоне вслед за крошечным привратником пошли во двор. Кроме маленького роста, писклявого голоса и огромного носа у него была еще и смешная походка: короткие пружинящие шаги. Он как будто подскакивал, но сразу прерывал прыжок. Широкая униформа колыбалась у него на спине, а шляпа каждую секунду сползала набок, и привратник возвращал ее на место обеими руками, причем из слишком длинных рукавов.

Сначала двор показался Ричарди не таким большим, как дворы других особняков знати, которые ему случалось видеть. Потом комиссар понял, что двор стал меньше из-за большой клумбы с гортензиями, разбитой в центре. Шарра заметил, что полицейские рассматривают цветы, и, не замедляя шага, сказал:

– Цветы, да? Сын герцога помешался на них. То есть я хочу сказать, они нравятся молодому синьору, и он любит, чтобы цветы были здесь круглый год.

Ричарди посмотрел вокруг, решив, что позже подробно исследует место преступления, и заметил в углах двора четыре большие колонны, которые при необходимости могли дать тень и укрытие, например, страдающему от жары поставщику. А могли – и убийце.

С другой стороны двора в дом вела широкая парадная лестница для тех, кто входил через ворота. А справа, сразу за входом, располагался узкий проем без двери, рядом с которым стояли стул и маленький столик. Майоне повернулся к привратнику и спросил:

– Это здесь вы сидите, когда дежурите?

– Разумеется, здесь, бригадир! Когда ворота открыты, я все время нахожусь здесь.

К подножию лестницы подходили две женщины. Одна из них была настоящая великанша – рослая и ширококостная, в голубом халате и белом фартуке, волосы собраны в пучок на затылке. Лицо у нее было бледное, на шее – красное пятно. Она заламывала руки – было видно, что несчастье глубоко ее потрясло. Вторая была моложе, худая и угловатая, в черной блузе, какие надевают для работы судомойки. Она всхлипывала и постоянно вытирала глаза грязным носовым платком.

– Это синьора Кончетта, экономка, – представил Шарра великаншу, указывая на нее болтающимся концом рукава, – а это моя жена Мариучча, она работает здесь служанкой.

Майоне снял перед женщинами шляпу и произнес:

– Я бригадир Майоне из управления полиции. А это комиссар Ричарди, который командует нашим отрядом. Вас, синьора, зовут Кончетта, а как ваша фамилия?

Великанша ответила полушепотом: в герцогском особняке ее приучили разговаривать тихо, и, как бы ни велико было ее волнение, она не могла говорить иначе.

– Сиво Кончетта, к вашим услугам. Как вам уже сказал Пеппино, я здесь экономка. Госпожа герцогиня... в общем, это я ее обнаружила и увидела, что случилось. Какое несчастье!

От слов экономки у служанки начался новый приступ плача. Муж взял ее за плечо, словно хотел поддержать. Ричарди вмешался в разговор:

– Оставайтесь все трое в нашем распоряжении. Я вам советую ни по какой причине не уходить далеко от особняка. Кстати, из него есть какие-нибудь выходы, кроме ворот? Служебные двери, подвалы – в общем, любой другой проход?

– Нет, нет, комиссар, никакого другого выхода. Человек либо проходит через ворота, либо остается в доме. Можно, конечно, выпрыгнуть в окно, но от самого низкого из них до земли шесть метров.

Ричарди поднял взгляд, посмотрел на лестницу, еле слышно вздохнул и сказал:

– Идем наверх. Синьора Сиво, покажите нам то, что вы обнаружили.

«Живая изгородь из жасмина летом – настоящее чудо. Дело не только в запахе, хотя нежный легкий аромат остается у тебя в носу еще целый час после того, как ты уходишь от жасминов. Дело в ее цвете, густом зеленом фоне с белыми остроконечными крапинками. Мне нравится, что изгородь плотная, мне нравится, что она загораживает от глаз террасу. Благодаря ей люди снаружи, даже с колокольни соседней церкви, видят здесь зелень и цветы. Люди могут думать, что это красивое место, где нет боли. И не знать, что на самом деле это место полно смерти».

Над первым маршем ступеней лестница справа была перегорожена решеткой, закрывавшей доступ на «благородный» этаж дома. За этой преградой была видна широко распахнутая дверь. Сама решетка была приоткрыта, с одной из створок свисала толстая цепь с закрытым замком на конце.

Слева лестница поднималась выше. Ричарди спросил:

– Куда ведет эта лестница? Что там наверху?

Экономка прошептала в ответ:

– Сначала наши комнаты – моя и привратника со служанкой и их четырьмя маленькими детьми. Над ними комнаты молодого синьора, сына герцога.

– А кто живет на этом этаже?

– Только герцог и герцогиня. Герцог не встает с постели: он очень болен. Его комната – в глубине дома, с другой стороны. А комната герцогини с этой стороны.

На лестничной площадке, несмотря на тень, было очень жарко. Колокола наконец перестали звонить, и тишину нарушал только голос женщины, поющей где-то вдали. Ричарди спросил:

– Где вы обнаружили труп?

При слове «труп» жена Шарры громче всхлипнула в платок. Ее муж держал руку на плече жены, шляпа соскользнула ему на лоб и съехала набок. Экономка ответила:

– Здесь, в самой первой комнате – на самом деле это не комната, а прихожая. На кушетке.

– Вы до чего-нибудь дотрагивались? Там все осталось, как было?

Женщина наморщила лоб, стараясь вспомнить.

– Нет, мне кажется, что нет. Я окликнула герцогиню и позвала ее, потом позвала Мариуччу, а Мариучча позвала Пеппино. Мы пытались разбудить герцогиню, а потом увидели... и убедились, что... В общем, входите, и вы сами увидите то, что видели мы.

Ричарди бросил взгляд в сторону приоткрытой двери. Одно дело увидеть призрака умершего вторым зрением случайно, когда идешь по улице или мимо места, где произошел несчастный случай, и совсем другое – самому идти искать призрака. Тут приходится по собственному желанию взвалить на себя груз боли, позволить, чтобы последняя ужасная дрожь уходящей жизни поплыла тебе навстречу, как кровавое облако, и прошла сквозь тебя.

Комиссар кивнул бригадиру. Майоне привык к процедуре, которую Ричарди применял при работе. Она всегда была одинакова. Комиссар входил один туда, где совершилось преступление, оставался несколько минут, а потом выходил – вот и все. Сам Майоне должен был только оставаться у двери и никого не впускать.

Он никогда не испытывал желания вместе с комиссаром первым войти на место преступления, и не сделал бы этого ни за что на свете. Бригадир Майоне, высокий крупный мужчина, который ничего не боялся и любил своего начальника, никогда не осмелился бы на такое. И этим все сказано.

Маттео Муссо, герцог ди Кампарино, лежал в дальнем конце коридора на кровати, в которой, несомненно, скоро должен был умереть, и слушал тишину, которую нарушало только его хриплое дыхание. Слишком тихо для воскресенья, это ненормально. Из-за закрытых ставней должны были бы долетать смех детей, играющих на площади, голоса кумушек, которые сплетничают, выходя из церкви после мессы, крики продавцов «забавы» – смеси орехов, фундука и семян люпина, которую ставят на стол после завтрака.

Короче говоря, он должен был слышать шум жизни – той жизни, которая уходила из него. А вместо звуков – эта тишина.

И разумеется, он был один. Но к одиночеству он привык. К нему никто не приходил, кроме медсестры, которая два раза в день делала ему бесполезные уколы. Как будто смерть можно остановить, а не всего лишь немного замедлить ее приближение.

Какая тишина! – подумал Маттео. Это тишина смерти. Может быть, смерть вошла в этот дом раньше срока. Может быть, она вошла в другую дверь – в ту, где ее никто не ждал.

Продолжая хрипеть, старый герцог бесстыдно улыбнулся.

6

За дверью комиссар увидел настоящую комнату, хотя экономка и назвала ее прихожей. Здесь царил полумрак: ставни на окнах были закрыты, словно кто-то хотел, чтобы хозяйке дома лучше спалось. Но та, чья фигура была смутно видна на диване, не спала.

Ричарди закрыл за собой дверь и подошел ближе. Он видел контуры кресел, письменного стола и висевших на стенах картин, чувствовал под ногами мягкий ковер. И различал запахи. Воздух был наполнен нежным ароматом лаванды: так пахнет идеально чистый дом. Но был и запах бездымного пороха. В этой комнате стреляли. Возможно, выстрел был всего один: этот запах не заглушал остальные. И еще Ричарди чувствовал характерный запах свернувшейся крови: она пахнет почти как ржавое железо.

Комиссар обвел взглядом контуры лежащего тела (потом он осмотрит труп подробней, при свете) и определил, в какую сторону повернуто лицо. Он знал, что второе зрение показывает ему образ жертвы на том месте, куда был обращен ее последний взгляд. Это была одна из особенностей его странного дара – одно из правил, созданных как будто специально для того, чтобы не срабатывать. Но в этот раз правило сработало. Глазами своего ума Ричарди прекрасно видел образ этой женщины даже в темноте – именно в углу, противоположном дивану, на котором лежало ее мертвое тело. Призрак герцогини Муссо ди Кампарино снова и снова повторял ее последнюю мысль:

– Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо, у меня не хватает кольца!

Она будет бормотать это без конца, как молитву, пока слова не растворятся в воздухе вместе с подобием рта, который их произносит. Фраза простая; Ричарди слышал ее так ясно, как если бы ее выкрикнули в тишине:

– Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо, у меня не хватает кольца!

Ричарди незачем было запоминать эти слова: он еще много раз услышит их и почувствует боль, которая стоит за ними. Он опустил голову. Так, со склоненной головой, он подошел к окну, открыл ставни и впустил в комнату безжалостное солнце.

Майоне, оставшийся снаружи, обливался потом вместе с супругами Шарра и экономкой. К ним присоединились, поднявшись по лестнице, два ребенка – мальчик и девочка. Они смеялись, а девочка размахивала двумя большими кусками хлеба. Их появление стало тяжелым испытанием для любви бригадира к детям: Шарра строго приказал обоим малышам молчать и прервал их бег, схватив обоих за воротники, как щенят. Мальчик запротестовал:

– Папа, послушайте! Лизетта забрала у меня даже хлеб. Скажите ей сами...

Привратник вырвал один кусок из руки своей дочки и отдал сыну. Теперь захныкала девочка:

– Папа, Тотонно съел мой сыр: мы с ним поменялись. А теперь он хочет еще и хлеб!

Шарра шлепнул обоих по затылку и пригрозил:

– Если вы не перестанете, я отберу хлеб у обоих, отдам его бригадир, и он съест все. А теперь уходите и запритесь в доме!

Майоне мысленно пожелал, чтобы дети не перестали озорничать, и ему в воспитательных целях поневоле пришлось бы съесть эти два ломтя хлеба. Может быть, он смочил бы их в томатном соке, чтобы легче проглотить. Однако напуганные дети убежали вниз по лестнице, каждый со своим драгоценным куском. Бригадир вздохнул и сказал:

– Красивые малыши. Это ваши дети?

– Да, бригадир. Два сорванца, божье наказание. Остальные двое, старший сын и младшая дочка, сидят наверху. А эти пакостники не слушаются.

Мариучча хотела уйти вслед за детьми, но Майоне остановил ее движением руки.

– Нет, синьора, вы должны ждать здесь, пока комиссар не разрешит уйти. А пока скажите мне, на какие части делится герцогский особняк. Какие комнаты в нем личные, какие общие и сколько их?

Вместо служанки ответила экономка. Ее поведение показалось Майоне странным: она словно защищалась.

– Видите ли, бригадир, у каждого из трех членов семьи есть свои комнаты, и они редко видятся друг с другом.

Шарра изобразил на лице гримасу, его огромный нос сморщился.

– Точней сказать, не видятся никогда, – заговорил он. – Герцог болен и не встает с постели. Молодой синьор Этторе все время проводит на террасе, занимается цветами и растениями, а герцогиня...

Кончетта вонзила в него испепеляющий взгляд и заявила:

– Лучше, если каждый находится на своем месте! Так лучше. А вы должны понять, что мы здесь на службе, и чем занимаются члены герцогской семьи – не наше дело!

– А в чем дело, донна Кончетта? Что я сказал плохого? Я только хотел сказать, что каждый из них живет сам по себе. Я хотел ответить бригадиру, что общие комнаты в доме есть, но ими не пользуются.

В разговор вмешалась Мариучча, продолжавшая тихо плакать в носовой платок:

– Да, в те комнаты никто не заходит. Но комната герцогини всегда очень чисто убрана. Герцогиня следит за этим. Если она видит что-то в комнате не на месте, то сразу же вызывает меня и говорит мне об этом. То есть говорила. Она больше никогда не укажет мне, что надо делать... – И служанка снова принялась всхлипывать от горя.

В разговор вступил ее муж:

– Да ты просто дура! Тебе, похоже, не нравится, что бедняжка герцогиня больше не может на тебя кричать?

Кончетта снова попыталась образумить Пеппино:

– Нет, это вы не понимаете, что теперь, когда герцогиня умерла, весь порядок в этом доме может измениться! И может даже случиться, что мы будем здесь не нужны и окажемся на улице.

Шарра пожал плечами:

– Ну и пусть! И потом, молодому синьору и герцогу мы можем оказаться даже нужней, чем раньше. Кто будет содержать в порядке весь этот дом, если нас прогонят?

Майоне, стоявший рядом, делал вид, что погружен в собственные мысли, на самом же деле очень внимательно прислушивался к этому спору. Он понял, что в особняке жила не единая семья. Здесь существовали пять отдельных центров жизни – семья Шарра, Кончетта и три члена герцогской семьи, и общение между ними ограничивалось необходимым минимумом. Бригадир подумал, что надо сказать об этом Ричарди, и как раз в этот момент комиссар снова появился в дверях и разрешил ему войти внутрь.

Теперь солнце овладело прихожей, и температура в ней быстро повышалась. Ричарди и Майоне рассматривали драпировки, картины, мебель. Их опытные взгляды отметили присутствие большого количества серебряных вещей, очень дорогих произведений живописи, двух китайских ваз и бронзовой античной статуэтки. Ничего не украдено. Если и была попытка кражи, то она не удалась: что-то помешало довести ее до конца. Полицейские не замечали и следов борьбы: ни одна вещь не была ни сломана, ни перевернута. Единственным видимым признаком того, что произошло, была квадратная подушка на полу, в ногах трупa. В той стороне подушки, которую они видели, зияла дыра. Ричарди не стал переворачивать подушку: он не хотел ничего здесь менять до прихода фотографа. Но он готов был поклясться, что с другой

стороны на ткани есть хорошо заметные следы ожога – те, которых он не увидел вокруг отверстия во лбу убитой. Убийца стрелял через подушку.

Если не смотреть на лицо герцогини, могло показаться, что она спит. Она лежала на диване в уютной расслабленной позе, в которой, правда, было немного лишней прямоты. Ноги были вытянуты, руки сложены на животе. Ричарди подошел ближе и заметил, что на левой руке не было колец, но на среднем и безымянном пальцах сохранились их следы. Средний, похоже, был сломан или по меньшей мере оцарапан, хотя, кажется, на нем не было синяков. Нужно было дожидаться судмедэксперта и фотографа: до их прихода нельзя было сдвигать труп с места. Но причина смерти была даже слишком очевидна: пуля пробила отверстие во лбу точно посередине между полузакрытыми глазами.

Майоне, пыхтя и все сильнее потея, скорчился возле дивана, пытаясь заглянуть под мебель.

– Где ты, где же ты, проклятая малышка... а, вот она. Комиссар, гильза под диваном, как я и предполагал.

– Ты молодец, Рафаэле. Но не трогай ее:ждем фотографа. А пока мы его ждем, позови экономку. Мы ее немного послушаем.

Дородная синьора Сиво молча вошла в комнату, бросила быстрый взгляд на труп герцогини и сразу отвела глаза. Лицо экономки побледнело, но не изменило своего бесстрастного выражения. Ричарди стоял рядом, держа руки в карманах, смотрел, как она обливается потом, и молчал. Это продолжалось долго: комиссар пытался обнаружить у нее еще какие-нибудь признаки беспокойства, но не нашел их.

– Итак, синьора, расскажите нам, как вы обнаружили труп герцогини.

– Я встаю рано – около шести часов. Если мне не нужно идти на рынок или делать еще что-то вне дома – как, например, сегодня, в воскресенье, – я ненадолго задерживаюсь в своей комнате и привожу в порядок свои дела. Потом иду к ранней мессе, ее служат в семь часов.

– Значит, сегодня утром вы тоже ушли из дому в семь.

– Нет, сегодня я решила сначала пройтись по дому и осмотреть его. Не знаю, известно ли вам, что вчера был праздник в честь Богородицы – Царицы Небесной. А здесь во время этого праздника люди делают все, что угодно, – бросают мусор перед нашими воротами, зажигают костер посреди площади. Я хотела, чтобы Мариучча начала уборку, и желала дать ей несколько указаний на этот счет.

Ричарди старался восстановить хронологию событий.

– Чтобы выйти, вы проходите через прихожую?

– Да, обязательно. Когда вечером ухожу к себе, я запираю на замок маленькую дверцу входа. Синьора возвращается домой поздно и оставляет ключи от замка на цепи, который запирает решетку, в ящике этого стола, – экономка указала на столик, стоявший рядом с входной дверью, – чтобы утром я могла открыть дверь и впустить Мариуччу, которая начнет убираться.

– А замок маленькой двери вы открываете своим ключом?

Синьора Сиво покачала головой и ответила:

– Нет, нет. Ключи от решетки не у меня. Замок закрывается без ключа, а утром я беру ключи из ящика, оглядываю комнату и обычно вижу, что в ней все в порядке. Но в этот раз я обнаружила... герцогиню.

– И что вы сделали?

– Я подумала, что она уснула одетая на диване. Иногда такое случалось. Бывало так, что герцогиня... возвращалась очень, очень усталая.

Ричарди решил назвать вещи своими именами.

– Вы хотите сказать – пьяная?

Синьора Сиво не желала произносить слова, которые (она это чувствовала) ей не положено говорить.

– Не знаю, комиссар. Это меня не касается, а когда что-то меня не касается, я от этого отворачиваюсь.

Ричарди пристально посмотрел ей в глаза.

– Но на этот раз вы не смогли отвернуться, – сказал он. – Как вы поступили, когда поняли, что герцогиня не спит?

– Я выглянула во двор, позвала Мариуччу, велела ей подняться и быть возле герцогини, а сама пошла на верхний этаж позвать молодого синьора Этторе.

Ричарди старался точно восстановить события.

– Решетка была уже открыта или ее открыли вы?

Было похоже, что синьору Сиво удивил этот вопрос. Она наморщила лоб и, подумав, ответила:

– Она была открыта. Теперь, когда вы заставили меня подумать об этом, я вспомнила: решетка была отперта, а замок висел на цепи закрытый – так, как я оставляю его днем.

– Продолжайте рассказывать. Молодой синьор был дома?

– Да, он уже был на террасе и поливал цветы. Он тоже просыпается рано.

– Что вы ему сказали?

Кончетта опустила глаза:

– Что герцогиня, по-моему, мертва и что у нее дыра во лбу.

– И он сразу спустился вниз вместе с вами? – поторопил экономку Ричарди.

Она помедлила, а потом ответила:

– Нет. Сказал, что он не врач и чтобы я вызвала полицию. Но вниз он не спустился.

После этого надолго наступила тишина: ум Ричарди обрабатывал поступившую информацию. Потом комиссар спросил:

– Сколько времени вы служите в герцогской семье?

– Двадцать пять лет, комиссар. Когда я поступила сюда, мне было двадцать один год. Сначала я работала судомойкой, потом кухаркой, а теперь уже десять лет я экономка – с тех пор, как не стало герцогини.

– С тех пор, как не стало герцогини? Как же так? – спросил Майоне и посмотрел на труп.

– Я говорила о первой герцогине. Герцог раньше уже был женат, и молодой синьор Этторе – сын первой жены, синьоры Вирджинии. Герцогиня Адриана – вторая жена герцога... то есть была второй женой.

Ричарди захотел копнуть глубже – узнать, какие отношения были между экономкой и ее убитой хозяйкой.

– Значит, когда герцог женился во второй раз, вы уже служили в доме. Вы хорошо ладили с герцогиней?

Женщина пожала плечами:

– Герцогиня почти все время проводила вне дома. Дом, в сущности, управляется сам собой, в нем мало что нужно делать. Я выполняю свою работу и, главным образом, занимаюсь своими делами.

Ответ синьоры Сиво подразумевал определенное мнение, которое не ускользнуло от внимания Ричарди. Комиссар решил, что потом копнет глубже в этом направлении.

Но кое-что он хотел увидеть сейчас же. Он подошел к столику и открыл ящик. Внутри, на том месте, где ему, по словам синьоры Сиво, и следовало находиться, лежал ключ от замка, которым запиралась решетка на лестничной площадке.

«В изгороди из бугенвиллий на южной стороне террасы есть маленький разрыв. Я специально оставил эту щель, потому что с этой стороны никто не может смотреть внутрь дома. Улица перед парадным входом полна людей – любопытных зевак и случайных прохожих. Они ждут. Кто знает, что они рассчитывают увидеть. Разве они уже не узнали, что произошло?»

Достаточно, чтобы один человек остановился, и сразу же рядом остановится второй: в этом городе никто не занимается своими делами.

Я вспоминаю тот год, когда учился в университете, на четвертом или пятом курсе. Тогда мы шли в Национальный парк или на улицу Толедо и начинали глядеть на небо. Самое меньшее через две минуты уже десять человек смотрели вверх, задрав нос. И никто не спрашивал: „Что это вы тут разглядываете?“ Никто. А как только мы решали закончить эту игру, кто-нибудь один говорил: „Идем отсюда! Осел, который сегодня летает, здесь больше не пролетит“. А дома мы рассказывали про это маме, и она смеялась даже сквозь боль.

Знаешь мама, я до сих пор вижу, как ты улыбаешься в своей кровати – только улыбаешься, потому что тебе не хватает сил смеяться. Я видел: ты не хотела показать мне, что страдаешь и сердцем, и душой. Ты страдала оттого, что догадывалась о планах блудницы, одетой в форму медсестры.

Но знаешь, мама, теперь она мертва. Она тоже умерла. И не так, как умерла ты, – не в своей постели с четками в руках и под мои слезы. Она умерла так, как заслужила: она убита.

Она была сукой и умерла как сука».

7

Теперь в доме семьи Коломбо уже все были на ногах и готовились создать беспорядок, обычный для воскресного утра. Энрика смирилась с утратой прекрасного покоя, который добыла себе тем, что встала рано. Чтобы возместить потерю, она после завтрака выставила всю семью за дверь кухни под предлогом, что уберет в ней, а потом займется приготовлением обеда.

Теперь она ходила взад-вперед по просторной кухне и каждый раз, когда проходила мимо окна, бросала сквозь стекло беглый взгляд на другое окно. Все-таки сегодня было воскресенье, и она надеялась, что на этот раз случайно поймает знакомый взгляд днем. Но вместо того, кто ее интересовал, она видела пожилую женщину, которая жила вместе с ним. Та убирала в доме. Станным образом Энрика узнала, что женщина, которую она почти год считала матерью своего любимого, на самом деле его старая няня.

Энрике сказала об этом синьора Майоне, жена бригадира. Эта женщина – настоящий ангел. Она рассказала Энрике о замкнутом характере комиссара, о его одиночестве и грусти.

Луиджи-Альфредо. Когда она произносила это имя вслух, оно катилось по ее языку, очаровательное и немного загадочное, как человек, который его носил. А еще она произносила его про себя вечером перед тем, как заснуть, или когда мылась в новой металлической ванне, которую отец с таким торжеством привез домой. Это синьора Майоне убедила Энрику, что ничего не потеряно, что Энрике стоит ждать, потому что он, несомненно, интересуется Энрикой, хотя и не признается в этом.

Энрика улыбнулась и на пути к раковине сделала большой и бесполезный крюк, чтобы пройти мимо окна. Она думала, что ей стоит ждать. Ждать столько времени, сколько понадобится.

Ливия подумала: «Мне не понадобится много времени». Когда она ехала в этот город зимой по вызову, опознавать труп мужа, она не нашла свободного места в курьерском поезде, который шел по новой дороге через Формию, и поэтому села в обычный, который следовал по старому маршруту, с заходом в Кассино. Она вспомнила этот путь – очень скучный и долгий, больше четырех часов, бесконечные остановки на станциях, на переездах, а иногда даже из-за овечьих стад, выходивших на рельсы. Машинисты и служащие в таких случаях выходили из поезда и разгоняли скот. Но тогда Ливия была рада провести больше времени в дороге: ей совершенно не хотелось видеть Арнальдо, даже мертвого, и чем дольше был путь, тем лучше было для нее.

А в этот раз она полетела бы, если бы могла. После того как Ливия приняла решение поехать в Неаполь и встретиться с Ричарди, чтобы понять, почему она не может выбросить его из головы, каждый день был для нее мучением.

Поезд с грохотом и лязгом мчался через поля. Ливия не проявляла интереса к беседе, происходившей в купе первого класса: она пыталась представить себе, какой будет встреча. Рядом сидели две супружеские пары. Мужья смотрели на Ливию как околдованные, озлобляя этим против нее своих жен, но обе женщины злились молча. Ей было все равно: она не видела их – и не увидела бы, даже если бы они стали танцевать в купе голые.

Она видела только два зеленых глаза. Эти глаза были частью моря, которое она начинала различать в окне поезда, частью дрожащего от жары воздуха, от которого она задыхалась.

«Какое странное чувство – любовь», – думала Ливия.

Дверь открылась, и вошел доктор Модо, а за ним – фотограф с аппаратом, штативом и магниевой лампой. Врач обильно потел под своей широкополой белой шляпой. Не здороваясь, он сказал, словно продолжая начатый раньше разговор:

– Теперь я не скажу, что есть худшие и лучшие минуты для того, чтобы быть убитым: другого момента у нас нет. Но если человек решился, как он может организовать что-то подобное в воскресенье и при температуре сорок градусов? Может быть, кто-нибудь будет так добр и объяснит это мне?

Бруно Модо был хирургом в больнице и, при необходимости, судмедэкспертом. Во время войны он служил офицером и был подчиненным у Гарцо. На этой службе Модо приобрел редкий опыт, очень ценный для полиции при расследовании преступлений. Однако он не желал держать язык за зубами и не скрывал своих антифашистских настроений. Из-за этого к доктору было опасно ходить в гости, а потому он, при своем общительном характере, имел мало друзей. Некоторые чиновники из полицейского управления даже старались не пользоваться его услугами, а вот Ричарди, наоборот, искал его каждый раз, когда ему был нужен врач. Комиссар высоко ценил большую компетентность и глубокую человечность доктора Модо. Кроме того, доктор, как и сам Ричарди, был одарен способностью к иронии. Поэтому комиссар и доктор были почти друзьями, хотя их отношения нельзя было назвать дружбой в полном смысле слова. Модо был единственным, кто говорил комиссару «ты».

– А, разумеется, Ричарди! Кто еще это мог быть, кроме тебя? Скажи мне правду: ты сам убил эту милую даму только для того, чтобы заставить меня потеть и испортить мне воскресенье? Вот тебе мой совет: в следующий раз позови меня на самоубийство – просто для разнообразия. В таком случае я приду бесплатно.

Ричарди кивнул:

– Здравствуй, Бруно, желаю тебе доброго дня. Я знал, что это событие в высшем обществе позволит тебе приятно провести праздничный день. Я уверен: ты будешь доволен дамой, которая составит тебе компанию. Ты ведь привык веселиться в морге.

Доктор обмахивался шляпой, словно веером. Его лоб под растрепанными белоснежными волосами был покрыт потом.

– По крайней мере, по первому взгляду можно предположить, что герцогиня покинула нас не оттого, что ее забила насмерть какая-то шайка негодяев, как человека с улицы Медина. Я подготовил отчет на сорока страницах о результатах того, что вы в управлении назвали «падением». У вас нет стыда, совершенно нет. Иногда я думаю, что на войне мне было лучше.

– Обрати внимание, от меня даже не потребовали провести осмотр места преступления, – парировал Ричарди. – Иначе, будь уверен, было заявление или нет, кто-нибудь попал бы на каторгу. А теперь, что ты мне скажешь по этому случаю?

Модо снял пиджак, закатал рукава рубашки и наклонился над трупом.

– Ну... если продолжать в том же духе, я бы сказал, что причина смерти – инфаркт миокарда. А может быть – она умерла от скуки. А ты что скажешь на это?

– Я скажу вот что: мне известно, что в Салоне Маргерита¹ ищут нового комика. Ты не думал о том, чтобы сменить профессию? Может быть, этим ты избавил бы меня от ссылки.

– Прекрасно! Я схожу туда. Спрошу, не нужен ли им дуэт комиков. Я шучу лучше, когда у меня есть напарник, а ты смеешься так заразительно. А пока позволь мне поработать. Через две минуты я дам тебе ответ. Я уже сообщил в морг, они посылают машину за трупом. В эту жару не стоит надолго оставлять его на воздухе.

В это время фотограф, обливаясь потом, расставлял лампы во всех углах места преступления – возле трупа, возле подушки, возле двери. В этот момент в комнату вернулся Майоне, уходивший, чтобы осмотреть лестницу. Увидев Модо, он поднес руку к козырьку и сказал:

¹ Салон Маргерита – название театра, где в свое время выступали известнейшие артисты варьете. (Примеч. пер.)

– Добрый день, доктор! Рад вас видеть.

– Вот еще один комик. Добрый день, бригадир! В следующий раз мы встретимся в траттории. Должно быть, встреча будет приятной.

– Да, может быть. – Майоне вздохнул. – А теперь – о деле. Комиссар, во дворе хватает мест, где можно укрыться: четыре колонны, ниши, будка привратника. Замок на цепи в порядке, цепь тоже не повреждена. Значит, тот, кто открыл дверь, сделал это ключом. Лестница поднимается еще на два этажа выше. Их выкроили из этого верхнего: по-моему, когда строили особняк, потолки здесь были выше собора. Непосредственно над нами есть две двери. Одна заперта; за ней, должно быть, живет «молодой синьор», о котором нам столько наговорили. Вторая дверь открыта. За ней находятся дети супругов Шарра – кстати, сейчас они что-то едят. Есть еще более узкая лестница, она ведет на террасу.

Ричарди внимательно выслушал бригадира и сказал:

– Ты опросил зевак, которые толпятся там, снаружи? Разумеется, никто ничего не слышал, верно? А ведь здесь по крайней мере один раз стреляли из пистолета.

Майоне провел по лицу носовым платком, теперь уже совершенно мокрым, и ответил:

– Нет, комиссар. Когда же я мог успеть? Но на этот раз у них есть убедительный предлог. Вчера отмечали праздник этого квартала, народ пел и плясал перед особняком до трех часов утра. Главное событие праздника – тарантелла, ее танцуют целый час, и женщины при этом пляшут вокруг костра из старого деревянного хлама. Остатки костра на площади как раз сейчас убирают. Вы представляете себе – костер в такую жару! Эти люди – сумасшедшие!

Фотограф тихо кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, и сказал:

– Комиссар, я закончил. Снимки пришлю вам завтра вечером или, самое позднее, послезавтра. До свидания.

Ричарди кивнул ему, прощаясь, и поднял подушку. Она была квадратная, размером примерно тридцать на тридцать сантиметров, обшита по краям шнуром золотого цвета и украшена маленькими бантами по углам. Сшита подушка была из шелка с цветочным узором и набита перьями. Как и предполагал комиссар, на нижней стороне, приблизительно в центре, был большой след от ожога, а с другой стороны было большое углубление там, где подушка касалась лица герцогини, и в углублении – выходное отверстие от пули.

Ричарди поднес подушку к глазам, чтобы лучше видеть, и заметил на ней следы влаги. Слюна и, может быть, немного крови. Подушку прижимали к лицу с большой силой.

Кладя подушку обратно на пол, комиссар обнаружил на ковре след, половину которого она накрывала. Он встал на колени и вгляделся лучше. Едва заметный расплывчатый контур ботинка, даже не отпечаток. Какая нелепость: дождя не было целую вечность, а это было похоже на грязь с подошвы мокрого ботинка: на отпечатке были видны мельчайшие крупинки перегноя. В противоположном углу комнаты призрак мертвой герцогини через одинаковые промежутки времени повторял:

– *Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо. У меня не хватает кольца.*

Ричарди повернулся к доктору Модо:

– Извини меня, Бруно, но ты не мог бы прямо сейчас сказать мне что-нибудь о кисти ее левой руки?

Врач встал, вытирая лоб носовым платком. Его рубашка, придавленная подтяжками к груди, промокла от пота.

– Я уже слишком стар, чтобы заниматься этой проклятой профессией, – проворчал он. – Я должен сделать хорошую аутопсию, без нее, честное слово, ничего не могу тебе сказать. Хватит с меня мгновенных выводов после поверхностного осмотра. В этих случаях я рискую наговорить кучу чепухи, а потом мои слова обернутся против меня, и я потеряю славу непогрешимого врача.

Ричарди качнул головой:

– Этого ты не должен бояться. Хотя ты этого не знаешь, но уже много лет всем известно о твоей способности наговорить кучу глупостей. Одной больше или меньше – все равно. Поэтому скажи мне что-нибудь сейчас.

Модо улыбнулся:

– Вот за что я тебя люблю – так это за умение делать приятное тем, кто с тобой работает. Итак, начнем. Пуля выпущена из пистолета и прошла через мозг, пробив лобную и затылочную кости. Вот она, эта пуля, в спинке дивана. Ожогов нет: выстрел был произведен не в упор; но я видел, как ты рассматривал подушку, значит, это уже понял. По следам крови могу тебе сказать, что жертва была жива, когда в нее выстрелили. Больше я ничего не осмелюсь утверждать без аутопсии, даже если ты будешь меня пытаться.

– Скажи мне только про левую руку.

– На среднем пальце есть царапина, но нет гематомы, значит, он был поврежден после смерти. На безымянном пальце замечен маленький синяк, то есть, когда он был поврежден, жертва была еще жива. А вот и машина из морга подъехала.

Ричарди держал руки в карманах, наблюдая, как герцогиня в последний раз покидает свой особняк. Точнее, покидает лишь физически: в виде призрака она сказала у него за спиной:

– *Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо. У меня не хватает кольца!*

8

Ричарди пожелал уйти из особняка и вместе с Майоне отправиться к доктору Модо. Это удивило бригадира.

– Как же так, комиссар? – спросил он начальника. – Разве мы не допросим сейчас герцога и его сына? В доме во время убийства были только они, и оба находятся здесь сейчас, так разве нам не следует услышать, что они могут сказать?

Тот лишь отрицательно качнул головой, отбрасывая ладонью прядь волос со лба, и объяснил:

– Нет, не следует. Сначала мне нужно точно знать время смерти герцогини и, главное, получить еще результаты аутопсии. Допрашивать их сейчас – значит только насторожить. Оставь здесь Камарду и скажи ему: пусть запишет всех, кто попытается отсюда выйти. И пусть не впускает никого до новых приказаний.

Когда полицейские покидали особняк, к ним вышли Шарра и синьора Сиво. Майоне велел им оставаться в распоряжении полиции и запретил уходить из особняка по какой бы то ни было причине. Привратник пожал плечами под своей огромной курткой и сказал:

– А куда мы можем уйти? Мы никуда не денемся, бригадир, будьте уверены.

Майоне передал Камарде распоряжения комиссара не без удовольствия: в этот момент Камарда ел толстый ломоть хлеба с жареными кабачками. Помимо зависти к нему, бригадира мучил собственный желудок, который урчанием напомнил, что недавно закончилось время обеда. Черт бы побрал торговца фруктами! И черт бы побрал это брюхо!

Часть улицы они прошли вместе с доктором – до того, как тот свернул в сторону больницы.

– Мне кое-что кажется странным, – сказал Модо, качая головой. – Как же так? Кто-то кладет женщине на лицо подушку, прижимает так, что остается след от губ, а потом стреляет. А она так спокойно позволяет выстрелить в себя, даже руку не подняла. Нет, тут точно есть что-то странное.

Майоне согласился. В этот момент они поднимались по улице Диас, бригадир пыхтел и извергал из себя пот, как фонтан воду.

– Мне это тоже кажется странным. И еще мне странно, что никто ничего не слышал. Вчера был праздник, и весь этот шум – музыка, крики, свист и всякое непотребство – пусть так. Но выстрел – это все же выстрел, его должны были расслышать хотя бы в доме, – размышлял Ричарди, сосредоточенно глядя перед собой.

Как обычно, он был без головного убора. Прохожие, которых было немного, озадаченно смотрели на него и обходили стороной.

– Могли и не расслышать: выстрел был произведен через подушку, и еще нужно выяснить, кто был в доме. Бруно, ты должен как можно скорей прислать нам результаты аутопсии. Мне кажется, что в них будет объяснение.

Модо громко фыркнул, изображая усмешку:

– Тоже мне новость! Ни разу вы не сказали: «Доктор, иди отдыхать. Насладись воскресеньем, а завтра спокойно сделай свою работу и пришли нам хороший отчет».

– Тогда сделаем так: доктор, будь добр, я приду к тебе самое позднее завтра утром, а ты сделай мне к этому времени хороший отчет, – отозвался Ричарди.

Доктор остановился и посмотрел на него.

– Комиссар, я серьезно: договоримся друг с другом, и конец делу. Я хочу иметь удовольствие лично сделать ей аутопсию. А в таких случаях я работаю даже в рождественскую ночь.

– Нет, доктор. К тому же, что это за причуда – работать в воскресенье без комиссара?

Модо опустил голову:

– Понятно: все против меня. Впрочем, сегодня вечером я хотел пойти только в бордель на площади Триеста и Трента. Должен сказать, что проститутки, в кои-то веки, будут плакать.

Ричарди махнул ему рукой на прощание.

– Только плакать они будут от радости, – договорил доктор. – У меня возникло предположение: может быть, это они и убили герцогиню, чтобы избавиться от меня на сегодня. Итак, до утра.

Полицейские продолжали идти по той же улице. Майоне рассказал комиссару то, что узнал о жизни в особняке, допрашивая слуг.

– Комиссар, синьора Сиво неохотно говорит о герцогской семье. Она верна хозяевам, раз столько лет служит в этом доме. Но мне кажется, что ключ к разгадке – сын герцога. Он должен был иметь какую-то причину, чтобы переселиться на верхний этаж, как вы считаете?

– Я тоже думаю, что это надо выяснить. А также надо понять, действительно ли герцог не может встать с постели или он способен при необходимости дойти до прихожей.

– На этот счет уверенно ответили все трое и даже жена Шарры сказала то же самое между двумя всхлипами. Герцог не встает с постели уже много лет, и они каждую минуту ждут его смерти. Кстати, вот вам еще одна новость. Знаете, кто приходит служить мессу в особняк Кампарино? Дон Пьерино Фава. Помните его?

Ричарди прекрасно помнил дону Пьерино, маленького священника, который был помощником настоятеля в церкви Сан-Фердинандо и страстно любил оперу. Дон Пьерино помог комиссару раскрыть убийство тенора Вещи. Ричарди невольно вспомнил о красавице Ливии, вдове убитого певца, и испытал смешанное чувство, в котором переплелись тревога и тайное удовольствие.

– Я хорошо его помню, – ответил он бригадиру. – Он может дать нам полезную информацию, и мы к нему зайдем. А что ты скажешь мне об остальных?

Майоне в очередной из множества раз вытер лицо носовым платком.

– Эта жара – что-то ненормальное. Шарра привратник, но, на мой взгляд, он больше похож на Пульчинеллу со своим огромным носом и этой не по росту большой униформой, которая колышется у него за спиной. И голос у него тоже как у Пульчинеллы – вы слышали? Но он человек наблюдательный и может дать нам какую-нибудь информацию. Его жена все время занята то по дому, то с детьми. Она мне кажется довольно глупой и потому, на мой взгляд, сможет только подтвердить что-нибудь, известное из других источников.

В этот момент они дошли до управления полиции. В подъезде тень принесла им хотя бы видимость прохлады, если не саму прохладу.

– Ты все-таки продолжай собирать информацию, но следи за тем, чтобы никого этим не спугнуть. Ты бы мог послушать кого-нибудь из квартала: у нас же все суют свой нос в чужие дела, а эта семья, конечно, была на виду. Кстати, как зовут твоего друга – того, который знает все обо всех.

Майоне насторожился:

– Какого друга, комиссар?

– Как это «какого»? Или я должен был сказать «подругу»?

На лице бригадира отразилось страдание.

– Комиссар, не шутите, когда говорите про Бамбинеллу. Это не друг и не подруга, а что-то среднее и непонятное, и я не поддерживаю с ним близких отношений ни в каком смысле слова. Просто бываю у него потому, что он, как вы сказали, знает все обо всех и поэтому иногда оказывается полезен. Только поэтому.

– Не волнуйся: я именно это и имел в виду. Он мог бы сказать нам, известно или нет что-то о герцогской семье в некоторых кругах – и только. Загляни к нему. А я сбегаю куплю себе поесть. Тебе взять что-нибудь?

Майоне вздохнул, развел руками и ответил:

– И вы тоже, комиссар? Спасибо, нет. Я не хочу есть. Из-за этой жары у меня закрылся желудок.

Когда Ричарди вернулся в управление, солнце уже опускалось за горизонт. Он увидел, что у двери кабинета его ждет Понте, курьер заместителя начальника управления, – щуплый человек маленького роста, с подпрыгивающей походкой и чересчур учтивыми манерами. Этому Понте никогда не удавалось скрыть свой суеверный страх перед комиссаром. Испуг курьера проявлялся в неприятной привычке: при разговоре с Ричарди взгляд Понте метался во все стороны, никогда не останавливаясь на лице собеседника. Это очень раздражало комиссара.

– Добрый вечер, комиссар, – поздоровался Понте. – Я слышал, что сегодня утром вас вызвали на дежурство. Это не из-за какого-нибудь убийства?

Говоря это, курьер смотрел то на дверь, то на пол, то на потолок.

– Понте, ты прекрасно знаешь, где я был и почему. Так что незачем притворяться, будто тебе ничего не известно. Я сказал об этом утром, и весь день было известно, где меня можно найти.

Курьер остановил взгляд на перилах лестницы.

– Комиссар, вы, разумеется, правы. Мне позвонил доктор Гарцо; он поручил мне передать вам, что завтра он непременно хочет поговорить с вами.

Ричарди поморщился:

– Ну, разумеется. Умерла герцогиня, и, естественно, наверху зашевелились. Так скажи доктору Гарцо, что завтра утром он найдет меня здесь, как обычно. И что другие сотрудники тоже будут здесь – на случай, если он захочет поручить расследование кому-то из них.

Понте так пристально смотрел в коридор, что Ричарди показалось, будто курьер, как и он, видит призраков полицейского и вора.

– Что вы, комиссар, как раз об этом доктор даже и не думает. Он знает, что другого такого, как вы, здесь нет. Он хочет только услышать вас.

– И он меня услышит. Добрый вечер.

Ричарди шел домой. Даже после заката жара не давала людям передышки. Сейчас, в воскресный летний вечер, улица Толедо выглядела не так, как обычно: семьи, живущие на нижних этажах, выходили, чтобы не задохнуться, на улицу из своих квартир, где жара была невыносимой. Старшие сидели на вынесенных из дома стульях, те, кто моложе, – на деревянных ящиках, заменявших скамейки. Все болтали или играли в карты, чтобы провести время до поздней ночи. На верхних этажах были открыты окна, оттуда долетали танцевальная музыка, которую передавало радио, смех детей и порой шум ссоры.

Ричарди думал о том, что в такой обстановке человек не может сохранить свое право на личную жизнь. В этом запутанном переплетении привязанностей, страстей, богатства и бедности рождались зависть и ревность, которые затем порождали преступления.

Он замечал, что его появление действовало как порыв холодного ветра: там, где он проходил, наступала тревожная тишина. Он был здесь чужаком, незнакомцем, который своим приходом вызывает тревогу, и его воспринимали как опасность.

Ричарди шел с непокрытой головой, пряча руки в карманах, и прислушивался к шагам, звучащим на каменных плитах. Ему не было плохо оттого, что он здесь чужой. Он не хотел ощущать себя частью всех этих чувств. Переживания живых смешивались с мыслями мертвых. В пути перед его глазами то там, то тут мелькали призраки тех, кто был на этом месте заколот ножом или раздавлен трамваем или телегой. Их сожаление об уходящей жизни, горе от расставания с этим миром и боль внезапной смерти не так уж сильно отличались от чувств живых людей и от множества шумов, производимых живыми.

Голод и любовь. Желание обладать, жажда господствовать, ложь, неверность. Преступления, свидетелем которых Ричарди был каждый день, родились из всего этого. Он вспомнил слова герцогини:

– Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо. У меня не хватает кольца!

Кому она это говорила? Вероятно, своему убийце. Но он часто слышал от призраков фразы, обращенные и к другим людям, находившимся рядом или отсутствовавшим. И про какое кольцо? Про то, что было на среднем пальце и снято после смерти? В последнюю секунду жизни она увидела, кто его снял? Или про то, которое было на безымянном? Синяк на этом пальце означает, что герцогиня была еще жива, когда у нее забрали это кольцо.

В любом случае кольцо имело какое-то особое значение, потому что из многих ценных вещей забрали только его. Что-то подсказывало комиссару, что найти кольцо – значит найти убийцу. Значит, это любовное преступление.

Краем глаза он заметил, как девушка за руку втаскивала в подъезд мужчину. Любовь. Мысли комиссара перенеслись к Энрике. Больше года она была для него образом в окне, всего лишь чем-то вроде картины Вермеера. Она была символом близкой, но недостижимой обычной жизни – той, которая всегда будет для него под запретом. Он каждый вечер, не пропуская ни одного дня, смотрел, как она вышивает или убирает дом, любовался медленными точными движениями ее левой руки (Энрика была левшой). Это было хорошо: так она оставалась в безопасности. Два оконных стекла отгораживали ее от него и его дара видеть мертвых.

Потом, весной, допрашивая свидетелей во время следствия по одному делу, он оказался лицом к лицу с Энрикой. И образ, далекая часть нормальной жизни, картина Вермеера, стал существом из плоти и крови, женщиной, у которой есть запах, кожа и глаза, которые он потом вспоминал. Он не смог бы сказать, лучше ли ему было до этой встречи. Разумеется, пока Энрика была только именем и портретом, олицетворявшим жизнь других людей, его одиночество имело другую окраску. Теперь, когда он каждый вечер приветствовал ее движением руки, а она отвечала легким наклоном головы, ему казалось, что он стоит на краю обрыва и каждую минуту может сорваться вниз.

Но он не может обойтись без Энрики. В этом он был уверен.

И вот сегодня память сыграла с ним шутку: он вспомнил Ливию. Ричарди едва не улыбнулся: всю жизнь он нес свой крест – дар, которым природа обрекла его на одиночество и созерцание. И вдруг за один год, даже меньше чем за год – всего за несколько месяцев, он столкнулся с несколькими чувствами, которых никогда не испытывал. Ливия в каком-то смысле тоже смутила его покой: она ясно дала ему понять, что хотела бы ближе узнать его как мужчину.

Он не мог отрицать, что долго колебался тогда. В отличие от Энрики Ливия с самого начала одарила его целым вихрем ощущений – запахом пряностей, мягкостью кожи и округлостью сочных губ, кошачьей походкой. И горячими слезами, которые во время прощания текли по ее лицу вместе с каплями дождя, оставляя влажные следы.

Когда Ричарди поднимался по лестнице своего дома, у него на уме и в сердце были три женщины. Одна была близко, другая, как он считал, была далеко, а третья была мертва.

9

Сегодня ты проснулась не так, как всегда. Через много лет ты, наконец, проснулась по-другому.

Внешне ничего не изменилось. Как всегда, ты из своей кровати увидела рассвет. Как всегда, подушка рядом с тобой не была смята. Ты посмотрела на нее, и, как обычно, печаль сжала тебе сердце. Как всегда, ты встала первой. В тишине прошла по дому, который теперь так не похож на тот, каким тебе нравится его вспоминать. Тогда дети были маленькими, они смеялись, ссорились и бегали по дому, а твой муж поднимал на тебя взгляд и улыбался.

Ты готовишь завтрак; может быть, кто-то его съест, а может быть, и нет. Иногда, убирая посуду со стола, ты выбрасываешь нетронутую еду. Ты ничего не говоришь, не жалуешься: ты не умеешь этого делать, ты никогда этого не делала.

Может быть, ты виновата в том, что не имеешь сил, чтобы заплакать? Может быть, это твоя вина – не иметь сил закричать, что тебе стыдно, что твоя гордость смертельно ранена? Разве ты виновата, что опускаешь глаза и покорно смотришь на то, как твое счастье сыплется из рук, утекает между пальцами, как песок?

Когда-то ты могла бы поклясться, что твое сияющее весеннее утро никогда не кончится, и верила в это. С тех пор прошла целая вечность. Ты читаешь сострадание в глазах соседей, родных, друзей. Ты знаешь, что с их болью соединяется насмешка над тобой за то, что ты молчишь и опускаешь голову. За мягкость, которая превращается в трусость. Все говорят, я на своем месте. Тебе кажется, что ты их слышишь.

Солнце начинает проникать в кухню через окно. За целую ночь жара не ослабла. Ты думаешь о нем. Ты думаешь, что письмо уже пришло.

Согнув плечи, стоя возле кухонной раковины лицом к стене и ожидая, пока проснутся дети, ты смеешься. Смеешься тихо.

Идя в управление, утром в понедельник, Ричарди размышлял о том, что начало новой недели сильнее огорчало людей, словно воскресенье было упущенным случаем, словно им нужно было еще немного времени для отдыха или развлечений.

Комиссар чувствовал это настроение в том, как сбегали из переулков вниз полуголые, босые, обожженные солнцем мальчишки, чтобы повиснуть на первых трамваях и отправиться в опасный путь к морю – до улицы Караччиоло. Чувствовал его в опоздании, с которым открывались первые магазины. Обычно во время его утреннего пути по городу они уже работали, а сегодня сонные приказчики только отпирали тяжелые деревянные ставни и выносили из дверей товары, которые собирались расставить снаружи, укрыв от солнца полотняными тентами. Чувствовал его в том, что окна были еще закрыты: люди защищали свой сон и тень от солнца, которое уже поднялось высоко и было очень жарким.

У Ричарди, кроме второго зрения, было еще одно необычное чувство – сильно развитое обоняние. Для него это лето без дождей было особенно мучительным: у него кружилась голова от запаха гниения, который исходил от канализации и из переулков. Неубранный мусор, гниющий под воздействием солнца, брал людей за горло – пропитывал улицы тяжелыми испарениями, отравлял воздух и мешал дышать. Каждый день десятки детей и стариков заболели из-за отсутствия гигиены и умирали в домах или больницах, а печать и радио молчали об этом. Ричарди спрашивал себя: как журналисты могут скрывать эту ужасную ситуацию и рассказывать в приятном легком стиле о визитах князей и перелетах через океан.

У двери своего кабинета он увидел Понте. Курьер от нетерпения приплясывал на месте, словно ему хотелось в уборную. Замначальника управления, вопреки своим привычкам, уже

был в своем кабинете и хотел сейчас же поговорить с комиссаром. Ричарди вздохнул и пошел вслед за курьером, который смотрел куда угодно, только не ему в лицо.

Марио Капече курил на балконе здания редакции. Он всегда задерживался здесь дольше остальных сотрудников после ночи работы в бешеном темпе, которая предшествует ежедневному празднику – выходу первого номера. Обычно ему было приятно видеть, как продавцы с пачками газет в руках старательно кричат еще спящему городу заголовки основных статей. Но в сегодняшнем номере был напечатан заголовок, который ему хотелось бы никогда не видеть.

Марио Капече плакал. Сослуживцы, которые смотрели на него сзади, из редакции, не находили в себе сил подойти к нему. Во второй половине дня самый молодой ученик прибежал, задыхаясь, и молчал, не имея мужества сообщить принесенную новость. Сразу стало ясно, что случилось нечто серьезное. Капече из своей комнаты не видел, как мальчик входил в редакцию, и ученик смог сначала сказать то, что узнал, заместителю Капече. Этот заместитель был давним и близким другом Марио, его товарищем во множестве боев.

Друг Капече и взял на себя ужасную обязанность сообщить ему эту новость. Остальные сотрудники видели, как вестник несчастья закрыл за собой дверь. В первую секунду за дверью было тихо. Они, затаив дыхание, ждали, что будет, а потом услышали полный отчаяния вопль. Их начальник кричал во все горло от величайшей боли.

О любовной связи Марио Капече, главного редактора отдела хроники городской газеты «Рома», с Адрианой Муссо ди Кампарино было известно всем. Но мало кому было известно, как сильно любил ее журналист. Эта любовь преградила ему путь к блестящей карьере – помешала занять должность директора старейшей газеты города, до которой ему оставался всего один шаг. Из-за нее Капече вызывал смех и жалость у своих врагов. Она создала вокруг него пустоту. Эта любовь разлучила его не только с женой, но и с детьми, которые отличались строгостью нравов и консерватизмом: молодые люди иногда умеют быть и такими.

Капече отказался от всего ради своей любви только для того, чтобы исполнять капризы очень красивой, непостоянной и легкомысленной женщины. Тысячу раз Артуро Доминичи, заместитель и лучший друг Капече, пытался его образумить. И каждый раз был вынужден отступить перед мощью и ядом этого глубокого чувства, неизлечимого, как опухоль.

Теперь именно ему выпало сообщить Марио о смерти герцогини после того, как тот целый день был более нервным и раздражительным, чем обычно. Доминичи думал, что его друг сразу же помчится к ней, но Капече не выходил из своей комнаты до рассвета.

В субботу вечером Доминичи не обнаружил Капече в редакции. Марио пришел туда, но очень поздно и пьяный.

Заместитель главного редактора решил, что его друг находится в таком состоянии из-за очередной ссоры с герцогиней: в последнее время эти ссоры случались все чаще. Он помог Марио лечь на диван в кабинете, успокоил его и в очередной раз организовал вместо него работу газеты. Перед тем как уснуть, Капече, еле шевеля языком, сказал:

– Конеч, конеч. Артуро, на этот раз конец навсегда.

Разумеется, Доминичи не поверил. За последние три года его друг повторял эти слова тысячу раз. Но на этот раз Капече сжал его руку, вынул что-то из кармана и показал ему.

Это было кольцо.

Гарцо вышел навстречу Ричарди, встретил его, стоя на пороге своего кабинета. За время своего общения с этим начальником комиссар научился бояться его радушия намного сильнее, чем его властного тона и тупости в вопросах полицейской профессии. От этих недостатков Гарцо он мог защититься компетентностью и иронией. На радушие он мог ответить лишь попыткой восстановить прежнее расстояние между Гарцо и собой.

Однако на этот раз комиссар сразу заметил необычное психическое состояние заместителя начальника. Никогда еще он не видел Гарцо таким. Было похоже, что тот не спал всю ночь: его галстук развязался, под глазами темнели круги, он даже был плохо выбрит.

Это было удивительно. Анджело Гарцо, бюрократ, делавший карьеру за счет внешности и связей, никогда не позволял себе ни малейшей погрешности в манерах или внешнем виде. В эти времена, когда все надо было согласовывать с Римом, выдающиеся дипломатические способности этого человека делали его самым важным лицом в управлении. Начальник управления поручал Гарцо контакты с министерством, а тот был очень рад ими заниматься, потому что больше ничего делать не умел. Среди подчиненных прославилась его фраза. Поводом для нее послужило то, что однажды Гарцо не понял логики, в результате которой был обнаружен преступник. Покачив хорошо причесанной головой, он сказал, что для того, чтобы понимать преступников, надо думать как они, а он честный человек и потому никогда бы не смог понять убийцу.

Но в это утро понедельника комиссара принимал в своем кабинете совершенно другой Гарцо. Он указал подчиненному на один из двух стульев, стоявших перед пустым письменным столом, резким движением ладони отослал прочь Понте и сам сел на стул рядом с комиссаром, у той же стороны стола.

– Я узнал о преступлении в семействе Кампарино. Это очень серьезно. Судьба всех нас зависит от этого расследования. Насколько вы продвинулись?

Ричарди было трудно понять начальника: комиссар никак не мог осознать, чем это убийство так сильно отличалось от любого другого.

– Герцогиня была убита в своем доме, вероятно, выстрелом из пистолета в лоб. Я жду результатов аутопсии, которую делает доктор Модо. Если понадобится, позже сам пойду в морг. Гарцо заламывал руки.

– Вы выслушали... вы уже допросили кого-нибудь в доме Кампарино?

Ричарди не собирался открывать начальнику больше, чем необходимо.

– Пока я допросил только слуг, их в доме три человека. Потом выслушаем остальных обитателей дома, то есть членов семьи. А после этого расспросим поставщиков и соседей. Короче говоря, будем работать согласно процедуре.

Гарцо схватил его за руку:

– Вот именно, процедура. В этот раз мы не будем соблюдать процедуру, Ричарди. Не будем. Мы должны действовать очень медленно и крайне осторожно.

Ричарди с трудом высвободил свою руку из пальцев Гарцо, пристально глядя при этом в его покрасневшие глаза.

– Извините меня, доктор, но я вас не понимаю. Что вы подразумеваете под словами «не будем соблюдать процедуру»? Есть что-то, что я должен бы знать, но не знаю?

Гарцо вдруг встал и стал нервно ходить по комнате.

– Что-то, чего вы не знаете? Нет. Хотя, пожалуй, есть. Я все время забываю, что вы, как бы это сказать, живете уединенно, ни у кого не бываете. Так вот: Адриана Муссо ди Кампарино занимает, то есть занимала очень, очень заметное место в обществе. Она жила очень... как бы это сказать... открыто. Такая красивая и такая богатая женщина поневоле – понимаете, поневоле – становилась предметом сплетен и пересудов. Мы не...

Ричарди ждал. Было совершенно ясно, что Гарцо хочет что-то сказать, но ему не хватает мужества это сделать. Затем пришел ему на помощь:

– В таком случае, доктор, не лучше ли, чтобы тот, кто ведет расследование, сначала узнал, что это за... пересуды? Возможно, он мог бы услышать их содержание от объективного человека вместо того, чтобы ходить по городу и собирать сплетни?

Гарцо прекратил ходьбу по кабинету.

– Да, конечно, – согласился он. – Так вот, Ричарди, прежде всего вы должны знать, что в ходе этого расследования мы обязательно будем контактировать с... особыми кругами. Это, как бы сказать, необычная среда, ее представителям нельзя задавать вопросы так же легко, как, например, водителю трамвая или уборщику улиц. Это люди видные и могущественные.

Ричарди внезапно встал.

– Доктор, может быть, в данном случае лучше поручить расследование другому сотруднику, например Чиммино, – заявил он. – Я в вашем распоряжении, если понадобится передать кому-то собранную информацию. Впрочем, мы пока что узнали немного.

Услышав это, Гарцо, кажется, растерялся.

– Что вы говорите, Ричарди? Я даже и не думаю о том, чтобы передать расследование кому-то другому. Вы лучший, кто у нас есть, и мы оба это знаем.

– Благодарю вас, доктор. Но верно и то, что я, к сожалению, плохой дипломат. И у меня есть еще один недостаток – мне не хватает... как бы это назвать... почтительности. Я не хотел бы нарушить – разумеется, неосознанно – ваши указания.

Гарцо сделал шаг в сторону Ричарди.

– Об этом речь не идет, Ричарди. Нам крайне необходимо найти виновного и сделать это быстро. Вы понимаете? Быстро. Знатная дама, такая известная в обществе женщина не может быть убита в собственном доме. Это невозможно в безопасном городе, таком, как наш и как все города фашистской Италии. Виновный – это, несомненно, сумасшедший маньяк – должен быть отдан в руки правосудия.

– Тогда в чем проблема, доктор? Проведем расследование по правилам и, как обычно, будем делать это как можно лучше.

Гарцо провел рукой по волосам.

– Герцогиня... дело в том, Ричарди, что у герцогини Муссо ди Кампарино была любовная связь. Много лет она находилась в близких отношениях с одним мужчиной, и об этом было известно всем.

Ричарди продолжал стоять, показывая этим, что еще не уверен, он ли назначен расследовать это дело.

– Если это было известно всем, не следует ли и мне узнать об этом?

– Все дело в том, кто был ее мужчиной. Это Марио Капече, главный редактор отдела хроники газеты «Рома». Добавлю для ясности: это тот самый, который терзает нас при каждом удобном случае даже после постановлений министерства внутренних дел о прессе от двадцать восьмого числа. Теперь вы все понимаете?

Ричарди понял все. Действительно, Гарцо оказался в нелегкой ситуации. Если расследовать преступление в полную силу, чтобы найти виновного, полиция обязательно будет наступать на мозоли своим самым ожесточенным врагам в печати. Если же работать медленно, есть риск не найти того, кто должен ответить за такое громкое убийство. А это значит показать всем, что полиция – сборище бездарностей и ни на что не годится. Гарцо решил, что лучше найти убийцу или хотя бы попытаться это сделать. В каком-то смысле это решение делало честь заместителю начальника.

– Отношения между ними были непростые. Герцогиня была, как бы это сказать, немного... непостоянной. Ей нравились праздники, танцы и комплименты. Она любила, чтобы за ней ухаживали. Капече пятьдесят лет, и, когда герцог был здоров, они могли бы драться на дуэли каждый день. Но в то время единственным средством защитить себя были ссоры и бесконечные публичные дискуссии.

– Разрешите спросить: а как вы об этом узнали?

Гарцо, кажется, не обиделся на этот невежливый вопрос.

– Об этом знают все, у кого есть время ходить в театры. Последняя ссора произошла как раз в субботу, вечером, в Салоне Маргерита.

– И что это была за ссора?

Начальнику комиссара, видимо, было трудно ответить на этот вопрос. Он, с одной стороны, желал сказать как можно меньше, а с другой – не хотел умолчать ни об одной важной подробности.

– Думаю, причиной была ревность. Капече обвинил герцогиню в том, что она... смотрела на молодого человека, который пришел с синьорой Де Маттеис. Эта дама... но не будем говорить о ней, это не имеет отношения к нашему делу. Короче говоря, он и она начали обмениваться упреками, припоминать друг другу давние события, случаи из прошлого. Потом он дал ей пощечину. Мы все застыли. Сразу после этого он взял герцогиню за руку, сорвал с ее пальца кольцо и крикнул ей в лицо...

Ричарди наклонился вперед, остановил его движением руки и спросил:

– Как вы сказали? Сорвал у нее с пальца кольцо? А что он ей крикнул?

Гарцо растерялся:

– Не помню, что он крикнул. Думаю, что это было ругательство – знаете, то, которое говорят женщине, когда обвиняют ее в неверности. Еще он сказал ей, что она не заслуживает ни любви, ни кольца.

– А вы не помните, с какой руки он снял кольцо? Это важно.

Гарцо повторил движение журналиста, пытаясь вспомнить, как стояла герцогиня.

– Кажется, с левой. Да, с левой. А почему вы спросили? Это что-то значит?

Ричарди полузакрыв глаза и мысленно увидел перед собой призрак мертвой женщины, которая стояла, опустив руки вдоль тела, и повторяла:

– *Кольцо, кольцо! Ты снял кольцо. У меня не хватает кольца!*

– Может быть, да. Это может что-то значить. А что было потом?

– Потом он ушел ни с кем не попрощавшись. И при этом оттолкнул в сторону мою жену, как настоящий невежа. Она, бедняжка, чуть не упала. А герцогиня пошла в дамскую комнату, чтобы поправить макияж. Вскоре она снова сидела в своей ложе, смеялась и шутила с двумя господами, которые спешили занять место Капече. Такой ее создала природа.

– А Капече с тех пор никто не видел?

Гарцо наморщил лоб, пытаясь сосредоточиться.

– Нет. Я, во всяком случае, его не видел. Но вчера утром, когда еще не было известно о том, что произошло, мне сказал официант в «Чирколо дель Унионе», что в субботу вечером Капече был там допоздна, пил и что-то говорил как в бреду, а потом ушел.

Ричарди попытался узнать какие-нибудь подробности:

– О чем он «бредил»? И в котором часу ушел?

Похоже, на этот вопрос его начальнику было трудно ответить.

– «Чирколо» закрывается в двенадцать часов ночи. А говорил он... что некоторые женщины не заслуживают того, чтобы жить. Да, именно так. Но это ничего не значит: люди столько всего говорят, верно, Ричарди?

Комиссар смотрел своему начальнику в лицо и молчал.

– Все же, Ричарди, я рекомендую вам, даже прошу вас на этот раз не наступать людям на мозоли ради одного удовольствия это делать. В этом деле замешана пресса, и, может быть, не только она. Допрашивая членов семьи, тоже будьте осторожны. Герцог очень стар и болен, он умирает, но все же остается одним из самых богатых и влиятельных людей города. А сын герцога, Этторе... его очень уважают и высоко ценят, он культурный человек и философ.

Ричарди понял, что больше не извлечет из этой беседы ничего полезного: дальше пойдут только советы быть благоразумным и осмотрительным.

– Хорошо, доктор. Я учту всю крайне полезную информацию, которую вы мне предоставили, и буду держать вас в курсе событий. Сейчас мне надо идти в морг: доктор Модо пообещал заранее сообщить мне результаты аутопсии. Если у вас нет других приказаний, до свидания.

И комиссар ушел, оставив Гарцо в растерянности.

10

Ливия показывала себя людям и наслаждалась видом улицы Партенопе с балкона своего номера на третьем этаже гостиницы «Везувий». Перед ее глазами море принимало в свои волны сотни мальчиков и девочек, нырявших в него со скал и со стен замка, который уже бесчисленные сотни лет уютно стоял у воды.

Накануне, когда поезд прибыл на вокзал Кьяйя, она сразу почувствовала в воздухе, что этот город встречает ее как добрый друг. Она ответила улыбками на комплименты, которые ей сказали по меньшей мере трое мужчин. Один прохожий даже заявил, что готов идти с ней хоть на край света. Она была снисходительна к детям, которые мгновенно окружили ее, рассчитывая получить монетку, конфету или сигарету. Ливия вспомнила, как несколько недель назад, во время беседы в одной римской гостинице, один высокомерный предприниматель сказал, что терпеть не может этих уличных мальчишек, полчища которых поджидают туристов в порту и на вокзале, просят у них милостыню и всюду суют свои руки, надеясь стащить что-нибудь. Ливия заступилась за этих мальчишек. Она сказала, что дети так ведут себя из-за бедности, до которой власти довели город, что, по ее мнению, дети всегда приносят с собой радость и что быть в их обществе гораздо веселей, чем в некоторых скучнейших римских компаниях. Сейчас она улыбнулась, вспомнив, как все в гостинице при этих словах смутились и застыли на месте. Никто не осмелился возразить Ливии: все знали, что она – близкая подруга жены и дочери дуче.

Она наняла одно из типично неаполитанских трехместных такси, красных с желтой полосой, и сказала водителю, что хочет поехать по городу перед тем, как отправиться в гостиницу. Ей нужно было возобновить знакомство с улицами и площадями, которые она помнила. Тогда их хлестал холодный зимний ветер, а сама она шла по ним в такое печальное для нее время. Теперь она видела солнце и радость. Громко кричали уличные торговцы, певцы-любители устраивали импровизированные концерты, женщины улыбались, витрины были красивы. Мальчики играли сшитыми из лоскутьев мячами на спортивных полях, возникавших на мгновение между автомобилями и трамваями. Это был сумасшедший веселый город, и он нравился Ливии.

Она не могла бы сказать, насколько ее любовь к Неаполю вызвана тем, что в этом городе живет Ричарди, но предполагала, что воспоминание о комиссаре играет в этом важную роль. Ливия решила в этот первый день осмотреть поле боя перед тем, как пойти в атаку. Подумала о том, какое платье и какую шляпку наденет, и улыбнулась морю и небу.

Майоне, выполняя распоряжение комиссара Ричарди, обошел торговцев квартала Санта-Мария ла Нова. Работа оказалась нелегкой – не из-за недомолвок или сопротивления, а потому, что семья Муссо ди Кампарино практически не общалась напрямую с жителями квартала.

Герцога очень уважали за его человеколюбие и за щедрые пожертвования организациям, которые помогали нуждающимся, но уже больше года, как он был прикован к постели тяжелой болезнью легких. Со дня на день ждали известия о его смерти.

Его сын Этторе, которому было около тридцати лет, увлекался садоводством и, можно сказать, жил на террасе среди своих растений. Он писал для газет и журналов статьи по философии и был знаменитым ученым-философом.

Говорили, что иногда он выходит из дому по вечерам, но никто не видел его на улицах.

Зато герцогиня бывала везде. Не было ни одного праздника, встречи или светского приема, где бы она не оживляла общество своим присутствием. Она была красива и элегантна и при любой возможности выставляла напоказ свое богатство. Она была второй женой герцога и вышла за него десять лет назад. Герцог женился на ней через полтора года после смерти первой

жены, за которой Адриана ухаживала в качестве медсестры. Майоне отметил в уме, что жена колбасника, рассказавшая ему об этом, не одобряла такую спешку: герцог даже не дождался, пока закончится второй год траура.

А вот о слугах герцогской семьи в квартале было много информации. Кончетта Сиво слыла спокойной женщиной, очень уважаемой, внимательной при покупках и вела дом очень умело. В городе у нее не было родственников, и раз в два месяца она ездила в родные места, где жили ее старая тетя и двоюродные братья. Когда заходила речь о семье Шарра, все улыбались, вспоминая смешного мужа, дурочку-жену и четырех их детей, резвых и прожорливых, которые всегда спорили из-за последнего куска или бегали по окрестным магазинам, выпрашивая что-нибудь поесть.

В общем, стало ясно, что слуги добросовестно выполняют свою работу, но их легко обмануть, если какой-нибудь злодей захочет проникнуть в особняк. К тому же накануне вечером праздник в квартале был особенно шумным, да и толпа народу на площади была больше, чем обычно. Праздник завершился громкими фейерверками, которые освещали площадь и оглушали жителей квартала. Майоне пришел к выводу, что в этом шуме никто не расслышал бы даже залп из пушки, тем более выстрел из пистолета, приглушенный подушкой.

Короче говоря, ничего интересного. Разве что в каждом магазинчике владелец или владелица предлагали ему что-нибудь съесть, а он, с болью в сердце и особенно в желудке, должен был отказываться. Майоне печально покачал головой и решил раньше срока пойти к Бамбинелле. Если есть что узнать, Бамбинелла это знает.

Кавалер Джулио Коломбо увидел входившую жену и встревожился. Его энергичная супруга нередко заглядывала к нему с такой инспекторской проверкой, и сейчас его беспокоил не сам приход, а хмурое выражение ее лица, которое он мельком увидел в витрине.

Источником доходов семьи Коломбо был красивый магазин шляп на углу улицы Толедо и площади Триеста и Трента, возле церкви Сан-Фердинандо. За тридцать лет работы у магазина образовалась верная ему клиентура. Этих клиентов обслуживали, не упуская ни одной мелочи, сам кавалер и три продавца, одним из которых был муж младшей дочери Коломбо, крепкий телом и очень трудолюбивый. Единственное, чем зять огорчал тестя, старого либерала, была его горячая приверженность фашизму. Коломбо считал, что такое некритичное отношение к фашистской идее граничит с фанатизмом.

Когда Коломбо заметил, что пришла жена, они с зятем как раз спорили, и темой спора были ночные налеты отрядов, прикрывавшихся фашистским знаменем, но позоривших себя зверской жестокостью. У синьоры Марии, жены Коломбо, был сильный характер, хотя она умела быть нежнейшей подругой для мужа и идеальной матерью для детей. Проблемы начались, когда одно из ее свойств противоречило другому, и сейчас был как раз один из таких случаев. Еще до того, как затих звук колокольчика, известивший, что Мария вошла в комнату, кавалер Джулио догадался о причине ее появления. Речь пойдет о замужестве их другой дочери, Энрики. Это было не обсуждение предстоящей свадьбы. По правде говоря, проблема была в том, что никакой свадьбы на горизонте не наблюдалось.

Мария подошла к кассовому аппарату – огромной машине из блестящего металла, которая была гордостью магазина. За этим аппаратом муж сейчас пытался укрыться от нее.

– Я могу поговорить с тобой наедине?

Ой! Это что-то серьезное!

– Конечно можешь. Марко, постой за кассой. Я пройду на заднюю половину.

В задней части магазина Коломбо, как во всех магазинах, где продавались шляпы и одежда, была маленькая комнатка-мастерская, где подгоняли покупки по голове или фигуре. Мастерская Коломбо в этот момент была пуста: его два мастера ушли на перерыв – завтракать.

Мария сразу перешла к делу:

– Что ты думаешь сделать для Энрики?

Такие споры между супругами случались часто. Отец очень любил свою старшую дочь, которая была похожа на него характером – так же, как он, любила порядок и часто улыбалась. Он был бы не прочь держать ее дома как можно дольше. Его жена догадывалась об этом и не упускала ни одной возможности напомнить ему и особенно Энрике, что девушке в двадцать четыре года уже пора думать о том, как начать собственную жизнь. К тому же времена были трудные, и доходов от торговли уже не хватало, чтобы удовлетворить потребности большой семьи – даже двух семей, потому что вторая дочь, ее муж и их маленький сын продолжали жить с ними. Если бы Энрика хоть познакомилась с мужчиной! А она отталкивает плохим обращением каждого молодого человека, который приближается к ней.

Накануне вечером, когда Мария начала эту свою обычную жалобу, муж прервал ее нетерпеливым движением руки и попросил, чтобы она не мешала ему слушать радио. Тогда Мария замолчала, но ее взгляд не обещал ничего хорошего. И вот она пришла, более решительная и воинственная, чем когда-либо, подумал Джулио.

– Ты не понимаешь, насколько это серьезно. Твоя дочь не замужем и собирается оставаться незамужней всю жизнь. Сейчас у нее есть мы, но мы не вечны. Завтра нас не станет, и тогда что будет делать Энрика? Если у нее не будет сына, чтобы ее обеспечивать, она пойдет в приют для стариков.

Когда Мария начинала так разглагольствовать, ее невозможно было остановить ничем, и Джулио очень хорошо это знал. Значит, надо было идти на уступки.

– А что ты хочешь, чтобы я сделал? Схватил ее, накрасил ей лицо, одел и вывел на улицу? Если она не хочет выходить из дому, я-то что могу сделать?

Мария только этих слов и ждала.

– Если она не хочет ни с кем знакомиться, значит, мы сами должны привести кого-то в дом. Послушай, что я придумала.

Майоне познакомился с Бамбинеллой за полтора года до этого дня, когда вез его в полицейское управление вместе с еще четырьмя уличными проститутками.

В городе было много таких независимых представительниц древнейшей профессии, которые конкурировали с разрешенными публичными домами. Но власти не допускали нарушений правила, согласно которому город должен был хотя бы выглядеть чистым. Кроме того, хозяйки публичных домов, которые были должны платить налоги со своей выручки, жаловались на конкурентов тем представителям власти, которые бывали в их заведениях. Поэтому полицейская бригада иногда устраивала небольшую чистку, убирая с улиц, особенно центральных, тех нарушительниц, которые заманивали в свою постель прохожих мужчин.

В тот вечер бригадир Майоне, который был дежурным, столкнулся с непростой ситуацией. Все проститутки, кроме одной, вели себя смирно, дожидаясь неизбежного освобождения. А эта, самая молодая, крутилась, вырывалась из рук и укусила руку одного полицейского. Тот дал ей увесистую пощечину, проститутка начала кричать, и тембр ее голоса недвусмысленно указал, какого «она» пола. Майоне вмешался и отделил юношу от остальных задержанных. Но, продержав этого человека в камере много часов, бригадир так и не смог понять, мужчина это или женщина. Оказалось, что это сложная личность – юноша, который признал, что коренным образом отличается от других, но смирился с необходимостью скрывать это, даже наоборот. Он чувствовал себя женщиной и хотел зарабатывать на жизнь как женщина. И стал

добывать себе средства к существованию тем способом, которым часто вынуждены пользоваться бедные и отчаявшиеся женщины.

В следующие несколько месяцев бригадир часто встречался с Бамбинеллой, который ухитрялся всегда иметь какую-то связь с той средой, где созрело преступление. Между этими двумя людьми, такими разными, что большей разницы невозможно себе представить, возникла если не дружба, то взаимное уважение. Кроме того, и это было главным, у Бамбинеллы имела густая сеть знакомых, и поэтому он был неисчерпаемым источником информации. Эту информацию он сообщал только бригадиру, и при этом никогда ни на кого не доносил. Бамбинелла только пересказывал сплетни, основанные на истине, и нередко оказывал этим огромную помощь следствию. В обмен на эту помощь мобильная бригада имела устный приказ не замечать присутствия Бамбинеллы среди уличных проституток, занимавшихся своим ремеслом на границе Испанских кварталов и улицы Толедо: рука руку моет.

Бамбинелла жил в полуразвалившейся мансарде, в конце переулка, недалеко от проспекта Виктора-Эммануила. Из его окна был виден край поля, граничившего с холмом Вомеро, а с другой стороны можно было увидеть клочок моря. Ясно и без слов, что Майоне, придя к нему, промок от пота после долгого подъема по сотне ступеней и был голоден как волк.

И ясно без слов, что Бамбинелла в этот момент что-то ел.

11

Все должно быть нормально. Все должно быть таким же, как каждый день.

Ты убралась в доме: пусть никто никогда не сможет сказать, что о детях плохо заботятся или что на сундуке слой пыли толщиной в палец. Пусть никто не сможет сказать, что занавески в пятнах или что простыни грязные.

Ты вышла, чтобы купить продукты, из которых приготовишь еду. И теперь несешь домой пакет макарон, хлеб, помидоры. Ты должна приготовить хороший завтрак, а потом хороший обед. А завтра приготовишь еще один завтрак и еще один обед. И еще раз, и еще, потому что он вернется домой. Он будет сидеть напротив тебя и улыбаться тебе. Все снова будет как раньше. Все будет как было.

Жарко, а ты идешь под свирепым палящим солнцем, нагруженная свертками. У тебя немного кружится голова, и никто не помогает тебе.

Но ты все равно улыбаешься.

– Бригадир! Какое удовольствие видеть вас! Будьте как дома. Проходите, садитесь сюда, на пуф, рядом со мной. Вы не будете против, если я продолжу есть? Именно сегодня я умираю от голода, несмотря на то что стоит такая жара. Вы позволите?

Комната закружилась у Майоне перед глазами, и он повалился на большую камчатную подушку.

– О боже! Бригадир, вы хорошо себя чувствуете? Вы очень бледны. Идите сюда, я дам вам немного воды с сахаром!

Майоне слабо помахал рукой перед лицом:

– Нет, нет, не надо. Это от жары. Скажи лучше, что это ты ешь.

– Я приготовил себе блюдо макарон. Я знаю, что должен следить за своей фигурой, но, кажется, уже вам говорил, сегодня мне, непонятно почему, хочется есть. Я ждал, что придете вы, такой крупный мужчина, и, должно быть, посчитал, что должен набраться сил.

– Я тебе уже тысячу раз говорил, чтобы ты не позволял себе вольностей. Ты это понял или нет? Ты же знаешь, что я никогда не занимаюсь этим даже с... такими женщинами, как ты, тем более не займусь с тобой! Кстати, что это ты мне сказал... в общем, как получилось, что ты меня ждал? Кто тебе говорил, что я должен прийти?

Бамбинелла изящным движением запахнул шелковое кимоно на груди и прикрыл рот рукой, чтобы скрыть усмешку.

– Никто мне этого не говорил. Но все знают, что вчера была убита герцогиня ди Кампарино, и одна моя приятельница, которая служит в особняке напротив, сказала мне, что на место убийства приходили вы и ваш комиссар. Как же так, вы работаете даже в воскресенье?

Майоне полулежал на подушке и обмахивался своей фуражкой.

– Я что, обязан отчитываться перед тобой? Ничего не поделаешь: в этом городе стоит листу на дереве шелохнуться, как все сразу об этом узнают. Я спрашиваю себя: как можно делать такую работу, как моя, если живешь словно посреди рынка? Но ты все-таки прав: я здесь для того, чтобы узнать, не можешь ли ты мне что-нибудь сказать об этой герцогине. В квартале, как обычно, кажется, что никто ничего не знает, но все знают все.

Бамбинелла копался в оставшихся на блюде макаронах, а Майоне смотрел на них голодным взглядом.

– Герцогиня... У этой герцогини, бригадир, такая история, которая для многих из нас кажется сказкой вроде тех, которые рассказывают детям. Вот только, как вы видели, у этой истории оказался плохой конец.

– Ты о чем? Почему ее история – сказка?

– Герцогиня не родилась богатой. Она была дочерью военного, отец погиб на войне. Но она была красива – очень красива. Я был знаком с одним человеком, который потерял из-за нее голову – кажется, это был торговец шелковыми тканями. Но у нее были другие планы. Она хотела быть независимой и никого ни за что не благодарить, поэтому стала медсестрой.

У Бамбинеллы была склонность отклоняться от темы разговора, и Майоне старался контролировать его в этом отношении.

– Хорошо. Но как она вышла замуж за герцога?

– Об этом я вам и говорю, имейте только терпение дослушать. Итак, первая герцогиня была знатной дамой, очень доброй и очень религиозной. Она все время проводила в церкви, помогала бедным, в общем, классическая дама. Она заболела какой-то тяжелой болезнью. Вы про это знаете? Одной из тех, которые начинаются с головокружения, с обморока... Вы сами хорошо себя чувствуете, бригадир? Вы сегодня так выглядите, что мне больно на вас смотреть.

Майоне, не вставая с пуфа, сделал вид, что хочет ударить Бамбинеллу ногой.

– Не остри! Я тебе говорил, чтобы ты этого не делал! У меня нет никакой болезни, я здоров как бык! Рассказывай дальше.

– Ну и характер у вас! Так вот, чтобы ухаживать за герцогиней, позвали медсестру Адриану, прекрасную как солнце и пышущую здоровьем. Болезнь была достаточно долгой. Чтобы не заставлять вас долго слушать, скажу только, что в конце концов герцогиня умерла и медсестра заняла место больной в супружеской постели.

– И когда это произошло?

Бамбинелла почти коснулся накрашенными ногтями кончика носа.

– Дайте подумать... Это было примерно десять лет назад.

– И какой была их супружеская жизнь?

Бамбинелла пожал плечами и ответил:

– А какой она всегда бывает, бригадир? Сначала хорошая, потом становится все хуже, а под конец плохая, очень плохая. Не зря говорят, что браки по расчету лучше остальных потому, что каждый из супругов занимается только своими делами. Но бедняжка герцогиня, мир ее душе, рассчитала неверно: герцог очень стар, и он тоже заболел. Когда это случилось, она не заперлась в своем доме и не стала притворяться, что страдает.

Майоне слушал его внимательно.

– Что ты имел в виду, когда сказал: не заперлась в доме?

Бамбинелла снова усмехнулся:

– Бригадир, я просто умиляюсь, слушая вас. Вы живете в таком городе, как наш, занимаетесь таким делом, как ваше, и не знаете того, что знают все! И я должен просвещать вас! Вы и ваш красивый молчащий комиссар, который никогда не смеется, живете словно в другом мире.

Майоне сердито фыркнул и ответил:

– Вовсе не в другом мире. Просто кто-то должен интересоваться серьезными делами, а не подсматривать за другими, выясняя, кто залез в чью постель. Рассказывай дальше!

– Дальше все просто: Адриана встретила мужчину, молодого, как она, веселого, умного и честостюбивого. Они влюбились друг в друга. Ему не хотелось нести потери в смысле карьеры, ей не хотелось, чтобы ее никто не хотел видеть в гостиных. Но они полюбили друг друга и ради этой любви послали подальше всех и всё. И эта часть истории мне нравится.

Бригадир почувствовал, что, наконец, добрался до сути дела.

– И кто же этот прекрасный принц?

– Прекрасного принца зовут Марио Капече. Это журналист из «Ромы». И похоже, бригадир, что он-то в конце концов и убил герцогиню.

«Больше я никогда тебя не увижу.

Это моя единственная мысль, и кроме нее я ничего не чувствую.

Ты помнишь нашу первую встречу? Знакомые представили нас друг другу в театре. Они что-то говорили, но я этого не слышал. Я заблудился в твоих глазах, в твоей улыбке. И уже чувствовал внутри себя ту страсть, которая потом никогда не покидала меня.

Я никогда тебя не увижу. Этого не может быть!

Твое лицо в моих ладонях. Запах твоей кожи. Благодаря тебе я узнал, что можно на самом деле опьянеть без вина, как в песнях. Мне казалось потерянным все время, которое я проводил без тебя. Даже мои дети были потерей времени. Труд был потерей времени. Какую бы цену ни заставили меня заплатить за час с тобой, она была бы слишком мала.

Я никогда тебя не увижу.

Твой смех – серебристый звон тысячи кораллов, ударяющих по мрамору, звук самой жизни. Я не верю, что больше никогда не услышу твой смех. Ты свела меня с ума, ты сделала так, что я заболел тобой. Чистейшее счастье – в самых нечистых объятиях.

И бешеная ярость, когда я увидел, как ты улыбаешься другому, как смотришь на него украдкой. Я не могу поверить, что, когда эта моя ладонь в последний раз коснулась тебя, она сделала это, чтобы причинить тебе боль.

И не могу поверить, что никогда тебя не увижу».

После утверждения Бамбинеллы по поводу журналиста на какое-то время в комнате наступила тишина. В окно вместе с ужасной жарой второй половины дня влетали стрекот цикад и призывное пение нескольких птиц. Майоне знал, что его информатор любит все театрализовать, но, несмотря на это, был поражен.

– Как это: похоже, что он ее убил? Откуда ты знаешь, что герцогиню убил Капече?

Бамбинелла широко раскрыл свои сильно подведенные глаза и покачал головой:

– Нет, бригадир, не приписывайте мне то, чего я не хочу говорить. Я не знаю, кто убил герцогиню. И даже скажу вам: я надеюсь, что это был не Капече. Любовные истории мне нравятся, а убийства – нет.

– Ну и что? Мы же не в театре. Это там история обязана тебе нравиться. Капече убил свою любовницу или нет?

– Что я знаю об этом, бригадир? Могу сказать вам только, что все считают убийцей его. Верно то, что донна Адриана была такой женщиной, от которой мужчины теряли голову, это я вам уже говорил, и она этим забавлялась. По-моему, она действительно любила Капече, но всегда была немного потаскушкой. А в субботу вечером в Салоне Маргерита случилось скверное дело. Был большой скандал.

Майоне сделал огромное усилие, чтобы поддержать разговор о том, что ему полезно было узнать.

– Какой скандал был в субботу вечером? Прошу тебя, Бамбинелла, рассказывай. Сейчас жарко, у меня кружится голова, я умираю от голода, но не могу есть и не могу сказать тебе почему. В это дело даже ты не должен влезать. Рассказывай то, что должен мне рассказать, и не заставляй меня напрасно терять время.

– Бригадир, вы сели на диету? Зачем? Вы очаровательны именно такой, как сейчас, – полный и представительный.

Гневный взгляд бригадира призвал его к порядку и был сильнее, чем любые слова.

– Хорошо, хорошо. Итак, буду рассказывать. Перед рассказом сообщаю, что знаю все это потому, что одна моя подруга работает официанткой именно в Салоне Маргерита. По правде говоря, ее, должно быть, перевели в гардеробщицы... не приходите в бешенство, бригадир... но какой характер! Короче говоря, между двумя актами комедии все зрители курили, пили и

болтали: для этого люди и ходят в театр. Капече начал громко кричать на герцогиню, что она не должна позволять себе такое, что она всегда так делает и что у него больше нет сил терпеть.

– Почему? Что сделала герцогиня?

Бамбинелла развел руками:

– А что я могу сказать? Конечно, поздоровалась с другим или улыбнулась другому. Она часто так делала. Короче говоря, он кричал, а она смеялась. Именно так. Моя подруга рассказала мне, что герцогиня громко смеялась, ха-ха-ха-ха-ха, словно он был карикатурой. Тогда он и устроил эту историю с кольцом.

– Какую историю с кольцом?

– Капече взял ее за руку, крикнул ей в лицо, что она не заслуживает кольца и что он не хочет больше никогда ее видеть, а потом сорвал кольцо у нее с пальца.

Майоне пожелал узнать больше:

– Какое кольцо? Что это было за кольцо?

Бамбинелла снова пожал плечами:

– Что я могу знать об этом? Она сказала ему в ответ: «Ну и забирай эту дрянь! Отдай ее обратно своей мертвой жене».

– Почему «мертвой»? Капече вдовец?

– Нет, что вы! Просто жену Капече интересуют только ее дом и церковь. Она – полная противоположность герцогине. Говорят, что муж уже много лет даже не вспоминает о ней.

– И что было потом?

– После этих слов он на глазах у всех дал герцогине пощечину, всей ладонью, и такую сильную, что голова завертелась на шее. Двое мужчин шагнули вперед: это же очень грубо и жестоко – бить женщину при людях. Но герцогиня сделала им знак остановиться, вытерла кровь, которая текла у нее изо рта, поправила прическу и вернулась в зал.

– А Капече?

– Ушел, но перед уходом кое-что крикнул.

Майоне заметил волнение Бамбинеллы и наклонился к нему:

– Что крикнул Капече?

– Он крикнул: «Я убью тебя своими руками».

12

«Это самый худший час. В это время солнце не уважает и не щадит того, кто не может от него укрыться. Я должен вам помочь. Нужно переставить в тень тех из вас, кого я могу переставить, – герани и бегонии. А на вас, живые изгороди, жасмины, бугенвиллеи, плющи, я могу только смотреть и видеть, как вы поглощаете запасы воды, которые я дал вам утром. Вы должны оставаться на своих местах. У каждого есть свое место.

А мое место где? Здесь, с вами. В этом пустом доме, где нет конца безлюдным комнатам, где переходишь из одной тишины в другую. Этот особняк полон призраков. И мой отец тоже призрак. Я помню его не таким – не тем, кто хрипит в постели, продолжая уже проигранный бой. Я помню его высоким и сильным, помню, как он смеялся счастливым смехом вместе с мамой. Мама, мама – волшебное слово. Я не произношу его вслух, но в душе повторяю его тысячу раз в день.

Ты это знаешь, мама. Ты знаешь, что самое важное в мире – любовь. Это любовь дает человеку его место. Ты всегда говорила мне, что любовь – это настоящий дом, это родина. Но ты не объяснила мне, как быть, если это ошибочная любовь.

Теперь она умерла. Она мертва, мама. Как ты. Как мой отец, хотя он еще хрипит. Может быть, мертв и я, и мертва моя ошибочная любовь.

Я открываю ящик секретера – тот, потайной, который выдвигается на пружине, – и достаю из него кольцо. Твое кольцо, мама. Я снова чищу его, чтобы на нем не осталось следов ее грязной крови. Чтобы оно снова стало таким, как было.

Таким, каким оно было на твоём пальце, мама».

Ричарди думал о том, как странно, что второе зрение показывает ему меньше всего виденных в больницах и на кладбищах. Впрочем, это логично: насильственные смерти происходят из-за страстей, не из-за боли и горя. А в этих местах присутствуют в основном горе и боль.

Он решил дожидаться результатов аутопсии у входа в морг. Это была задняя часть больничного здания. Больница стыдилась смерти и потому скрывала ее: смерть была неудачей, она означала поражение.

Группы плачущих людей, лица бледные от усталости и страдания. Женщины в черном, их поддерживают притихшие подростки, которых утрата за несколько часов сделала взрослыми. Родители, дети, жены, мужья. Сожаления, несказанные слова. И воспоминания.

Ричарди стоял в стороне, но не мог не видеть эту, другую боль – горе тех, кто остается жить. И он не смог бы сказать, что хуже – быть мертвым и тупо испытывать раз за разом свое последнее чувство или пережить умершего и падать в эту пропасть.

Дверь морга открылась, и оттуда вышел доктор Модо. Он вытирал руки полой испачканного халата.

– Посмотрите, кто пришел и принес улыбку в это место страдания. Здравствуй, Ричарди. Добро пожаловать в анатомический театр. Ты так хотел увидаться со мной, что не утерпел, или считаешь, что морг тебе подходит больше, чем полицейское управление?

– Рано или поздно кто-нибудь заметит, что это тебе полицейское управление подходит больше, чем морг. А я должен буду прийти забрать тебя, и брошу на стол ключ от кабинета. Как дела? Ты закончил работать с герцогиней?

Модо улыбнулся во весь рот:

– Ох, мы с твоей клиенткой долго разговаривали. Она дала мне целую кучу информации. Но эта информация очень, очень конфиденциальная. Я имею право сообщить ее только в присутствии роскошного обеда, которым ты меня угостишь.

Ричарди кивнул в ответ и сказал:

– Вот ты и попался! Замалчивание необходимой для следствия информации. Это правонарушение. Чтобы наказать за него, я выведу тебя на свежий воздух. В такую жару я этим сделаю тебе одолжение. Я согласен на твое условие, но мы встретимся в конце моего дежурства, в трагтории возле управления. Я жду Майоне с другой информацией – кстати, бесплатной.

Больше Майоне не вытянул из Бамбинеллы ничего интересного. Он особенно старался узнать что-нибудь об остальных обитателях особняка и об их привычках, но информатор не смог сказать ничего, кроме того, что Майоне уже знал.

Только об Этторе, сыне герцога, ему удалось узнать какую-то неясную новую информацию. Бамбинелле было известно, что Этторе почти каждый вечер уходил из особняка очень поздно и порой не ночевал дома. Но куда ходил сын герцога, Бамбинелла не знал. Майоне подумал, что, раз Этторе ученый, вряд ли люди, в обществе которых он бывает, имеют что-то общее с Бамбинеллой. Мучаясь от ужасной жары второй половины дня, голодный, как еще не был голоден никогда, бригадир решил пойти к Ричарди и сообщить ему результаты своего расследования. Комиссара он нашел в его кабинете. Ричарди уже ждал бригадира.

Они рассказали друг другу о том, что сделали за день. Ричарди поделился с бригадиром впечатлениями от беседы с Гарцо, а Майоне передал комиссару информацию, собранную в окрестностях особняка Кампарино и полученную от Бамбинеллы. После этого Ричарди какое-то время сидел задумавшись, прикрывая рот сплетенными пальцами рук.

– Значит, все убеждены, что это сделал Капече. Иногда самое очевидное решение бывает верным: жизнь – не книга. Мы должны его допросить.

– Да, комиссар. Но нужно действовать тихо. Вы разве не слышали, что сказал этот невежда Гарцо? Дело может кончиться тем, что он насторожится, объединится с кем-нибудь, и они заткнут нам рот.

– Ты прав. Будем действовать по правилам – по крайней мере, согласно нашим обычным правилам. Завтра пойдем в особняк и выслушаем оставшихся в живых членов герцогской семьи. Узнаем, что они могут нам сказать. Это нужно еще и потому, что, как ты говоришь, муж не ладил с женой, а пасынок с мачехой.

Майоне потер себе голову носовым платком.

– Вы узнали что-нибудь от доктора Модо? Я сравнил пулю с образцами из нашего архива. Ваше предположение было верным: это пистолет «Беретта» калибра 7,65, модель времен войны, не старая, а та, которую выдавали офицерам под конец, в семнадцатом году. Таких пистолетов в обращении до сих пор тысячи. Никаких особенностей. Я послал двух сотрудников тщательно осмотреть комнату, никаких других следов не обнаружено. Убийца выстрелил только один раз.

Ричарди кивнул в знак согласия, а затем произнес:

– Этот шантажист Модо сказал, что сообщит результаты вскрытия, только если я заплачу за его обед. Иди со мной, это близко, на Санта-Бригиде, в трагтории. Так ты его услышишь.

Майоне побледнел еще сильнее.

– Нет, я не голоден. Вы мне все расскажете завтра.

– Я настаиваю на своем. Четыре уха лучше двух. И потом, когда ты отказывался пообедать два раза? Я тоже не хочу сегодня опоздать. Послушаем то, что скажет Модо, и уйдем.

Майоне смирился:

– Хорошо, я в вашем распоряжении. Но все равно я ничего не буду есть. Посмотрю на вас, а потом пообеду дома.

Энрика чувствовала, что в доме происходит нечто странное. Ее мать после возвращения с прогулки казалась взволнованной: принесла цветы и велела служанке вынуть и почистить

столовое серебро. Девушка попыталась выяснить причину такой заботы об украшении стола в обычный день, но мать вместо слов отвечала нервным смешком и пожимала плечами.

Когда Мария вела себя так, было бесполезно настаивать, и Энрика это знала. Но девушка чувствовала странную тревогу. Увидев, как в дом входит женщина, раньше приходившая делать ее матери прическу, Энрика спросила, не происходит ли сегодня что-то особенное, о чем она не знает. В ответ она услышала, что женщина пришла ради нее. Девушка широко раскрыла глаза от удивления. Прежде чем она успела возразить, услышала:

– И надень хорошее платье. Сегодня за ужином у нас будут гости.

На коротком пути от полицейского управления до улицы Санта-Бригида, на которой они должны были встретиться с Модо, комиссар и бригадир встретили мало живых людей и одного мертвеца. Живыми были мальчишки, возвращавшиеся с моря, босые, со свертками влажной одежды в руках и мокрыми волосами. Они громко кричали, наполняли воздух хохотом и едкими насмешками. Мертвец, которого, разумеется, видел только Ричарди, медленно растворялся в знойном воздухе. Он был одет в тяжелую куртку, потому что умер в конце зимы.

Это был рабочий, упавший с крыши особняка, когда чинил водосточный желоб. Его спина была кривой, как ручка зонтика, изо рта текла кровь. Он повторял:

– *Он меня держит, карниз меня держит.*

Хороши последние слова! – подумал Ричарди и отвел взгляд в сторону. Он думал это каждый раз, когда проходил мимо этого места. Майоне неверно истолковал выражение лица своего начальника и спросил:

– Что с вами, комиссар? У вас тоже болит голова? У меня она в последние дни кружится как волчок.

Ричарди ответил:

– И в самом деле, я уже несколько дней вижу, что ты бледный. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, да, я здоров, но я теперь меньше ем. А в эту жару...

– Понимаю. Ты делаешь хорошо. Но на мой голод жара и холод не влияют. И на голод Модо тоже, как видишь. А вот и он, уже ждет нас.

Доктор сидел за одним из столиков, выставленных на тротуар, под тентом, который укрывал его от последних лучей заходящего солнца.

– А, пришел мой обед! Дорогой бригадир, вы тоже здесь? Тогда заплатите за кофе: я не хочу быть к вам несправедливым.

Майоне улыбнулся и сказал:

– Добрый вечер, доктор. Извините, но я здесь только зритель. Я должен слушать то, что вы скажете, и смотреть, как вы едите, но о том, чтобы платить, речи не было.

Ричарди сел за столик, указал хозяину трактира на блюдо с целой горой запеченных в духовке макарон, которое стояло перед Модо, и сказал:

– Мне, пожалуйста, то же самое. Бруно, ты можешь говорить о герцогине или это отобьет у тебя аппетит?

Модо уже жевал макароны. Он покачал головой и ответил с набитым ртом:

– Ничто на свете не может отбить у меня аппетит. На Карсо я ел под австрийскими бомбами. Иначе не выживешь. Так вот, о твоей клиентке. Это очень красивая женщина, которая прекрасно сохранилась, хотя ей на вид около сорока лет. Я не ошибся?

– Если быть точным, сорок два. Она родилась в восемьдесят девятом году, пятнадцатого января.

– А тело как у молоденькой девушки, можешь мне поверить. Мне говорят, что мужчины теряли от нее голову, и я понимаю почему. Итак, сначала поговорим о пуле. Вы видели, что выстрел был произведен через подушку. По всей длине канала, который пуля пробила в мозге

по пути к спинке дивана, я обнаружил частицы ткани и даже перьев. Пробиты лобная кость, затылочная кость и так далее. И сердце, несомненно, еще билось, когда в нее выстрелили.

Ричарди наклонился вперед: он понял, куда клонит врач.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что сердце еще билось?

Модо усмехнулся, по-прежнему с полным ртом.

– Как хорошо иметь внимательных слушателей! Я хотел сказать, что прекрасная герцогиня была еще жива, но только клинически.

– Как это? Что значит «клинически жива»?

– Ваш убийца очень крепко прижал подушку к ее рту и носу – может быть, чтобы не дать ей закричать. Эта синьора, когда в нее выстрелили, уже умирала от удушья – практически агонизировала.

Эти слова произвели впечатление на Майоне.

– Извините, доктор, а как вы это поняли? По легким, по горлу, по чему-то еще? – спросил он.

Модо покачал головой:

– Нет, бригадир, не по внутренним органам. Это было видно по лицу. Например, по красным пятнам вокруг рта и на шее. И по характерным пятнышкам внутри века – признакам точечных кровоизлияний. Вены и капилляры разорвались от напряжения, когда она старалась дышать. Это типично для удушья.

Ричарди вспомнил, что у призрака герцогини, повторявшего фразу о кольце, была большая дыра во лбу. Значит, она была еще жива, когда в нее выстрелили.

– Но, если она умерла от удушья, как она могла быть клинически жива, когда в нее выстрелил убийца? – спросил он.

Модо пожал плечами, не переставая пожирать запеченные макароны.

– Очевидно, убийца хотел быть уверен, что она умерла. Убивая кого-то, человек не всегда осознает непоправимость того, что делает. Может быть, он думал, что герцогиня его узнала. А может быть, хотел проверить, работает ли пистолет, – так бывало. Во всяком случае, она хорошо боролась.

Настала очередь Майоне удивиться. С трудом оторвав взгляд от соуса, который доктор подбирал с блюда куском хлеба, он спросил:

– Как же так, доктор? Герцогиня лежала так, как будто спала.

Модо, который уже полностью очистил блюдо, откинулся на спинку стула и широко улыбнулся.

– А! Вы этого не ожидали? Герцогиню уложили в этой позе, очень спокойной для человека, которому выстрелили в лоб. На этот раз вскрытие дало действительно новую информацию. В любом случае все произошло очень быстро. Эта женщина умерла между двенадцатью и двумя часами ночи – между субботой и воскресеньем. В этом нет сомнений.

«Ты не должна была смеяться. Если бы ты не смеялась, я бы этого не сделал. Я бы никогда не причинил тебе боль. Может быть, ты никогда не была моей. Но я всегда чувствовал, что ты моя – с первого раза, когда встретил тебя. Я никогда не увижу ничего такого же прекрасного, как твоя улыбка между моих ладоней, никогда не услышу ничего такого же чудесного, как твое дыхание, когда ты была в моих объятиях.

Я хотел бы объяснить тебе, как это ужасно – видеть, как ты ловишь чей-то взгляд, вызываешь у кого-то улыбку. Как ужасно чувствовать, что твое очарование обращено на других – на то, чтобы делать мужчин твоими рабами. Ты заковывала в цепи одного мужчину, потом другого и третьего – и никакого уважения ко мне, на меня ты даже не обращала внимания. Но я вынес бы все, только бы ты снова была со мной рядом. Потому что я любил тебя.

Но ты смеялась. Ты смеялась мне в лицо. И этого я не выдержал».

– Итак, что ты обнаружил? – спросил доктора Ричарди.

Модо поднял руку и стал считать на пальцах:

– Во-первых: перелом двух ребер, и его причина – не травма, а давление. Кто-то нажал ей на грудь изогнутым предметом, может быть, чтобы удержать. Возможно, предметом было колено, но могло быть и что-то другое, кто знает. Во-вторых: сломаны ногти на обеих руках, общим счетом четыре. Но следов кожи нет, значит, она старалась ухватиться за одетое тело – или за что-то другое, кто знает. В-третьих: очень странное состояние левой руки. На безымянном пальце – глубокая царапина со следами крови. Очевидно, кто-то сорвал с него кольцо. На среднем пальце – царапина без кровоподтека. Кто-то тянул ее руку за этот палец уже после ее смерти, может быть, снимал другое кольцо. А может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.